

Вячеслав
ЗАРУБИН

Проект «УКРАИНА»

Крым в годы смуты
(1917–1921 гг.)

CF FOLIO

Проект «Украина»

Вячеслав Зарубин

**Проект «Украина». Крым в
годы смуты (1917–1921 гг.)**

«Фолио»

2013

Зарубин В. Г.

Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.) /
В. Г. Зарубин — «Фолио», 2013 — (Проект «Украина»)

Эта книга посвящена событиям гражданской войны в Крыму. Используя архивные данные, воспоминания, многочисленную литературу, автор постарался нарисовать общую картину жизни полуострова тех лет. Особое внимание уделяется характеристике деятельности различных государственных образований, сменявших друг друга на протяжении короткого отрезка времени – Социалистической Советской Республики Тавриды, первого и второго Крымских краевых правительств, Крымской Социалистической Советской Республики, правительства Юга России, – а также непростым межнациональным отношениям в многоэтничном регионе. В книге нет мифов и домыслов, автор максимально объективно освещает историю Крыма в 1917–1921 гг., не замалчивая ее неприглядные моменты.

© Зарубин В. Г., 2013

© Фолио, 2013

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	29
Глава III	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вячеслав Зарубин

Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.)

Памяти моего брата Александра посвящаю

Предисловие

В 1997 году совместно с кандидатом исторических наук Александром Зарубиным нам удалось реализовать задуманный к 75-летию окончания гражданской войны в Крыму проект – выпустить в издательстве «Таврия» работу по ее истории, написанную на основе архивных материалов, периодики, мемуаров, многочисленной литературы¹. К сожалению, значительная часть полуторатысячного тиража этой книги погибла при пожаре, случившемся в октябре 2000 года в здании Крымского республиканского краеведческого музея. Правда, текст этого издания был размещен в Интернете, что позволило ознакомиться с ним значительному числу читателей, равно как и дать возможность многочисленной орде плагиаторов Крыма, Украины и России безбожно переписывать под своими фамилиями немалые из него части.

За более чем десятилетний срок, прошедший после выхода этой книги, в научный оборот было введено немало источников, опубликовано значительное количество литературы по данной проблематике. Все это вызывало настоятельную необходимость переиздания нашей работы с существенными дополнениями и исправлениями. Отдельные ее разделы в 2005–2007 годах печатались в журнале «Историческое наследие Крыма» (Симферополь).

В 2008 году в издательстве «АнтикВА» тиражом в 800 экземпляров вышло второе – существенно исправленное и дополненное издание нашей книги, по объему превышающее первое более чем в два раза². К сожалению, мой старший брат, идейный вдохновитель и ведущий соавтор, не дожил до этого дня. Он скончался в Кемерово 15 декабря 2003 года.

Настоящая работа, посвященная той же теме, несколько отличается от предыдущих. Значительно меньше стало сносок, теоретических выкладок, исправлены неизбежные погрешности и неточности, исключены некоторые пассажи, не касающиеся напрямую событий на полуострове.

Данная книга рассчитана на более широкий круг читателей, ее цель – дать цельное представление о событиях 1917–1921 годов в Крыму.

Автор выражает особую признательность сотрудникам Государственного архива Автономной Республики Крым (ГААРК), библиотеки Центрального музея Тавриды «Таврика» им. А. Х. Стевена и отделу фондов этого музея, Республиканской универсальной научной библиотеке им. И. Я. Франко (Симферополь), Института культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Люнебург/Геттинген, Германия), издательства «Фолио», а также персонально А. Айсфельду (Геттинген, Германия), И. В. Ачкинази (Симферополь), Р. Н. Белоглазову (Симферополь – Киев), Т. Б. Быковой (Киев), М. В. Владимирскому (Москва), Д. Вежхосу (Варшава, Польша), С. А. Гвоздеву (Ярославль), А. Г. Герцену, Г. Н. Гржибовской, Л. В. Гурбовой, В. Н. Гурковичу, Л. М. Демидовой, протоиерею Н. Н. Доненко (Симферополь), А. В. Ефимову (Севастополь – Москва), С. А. Ефимову, Д. В. Журавлеву, А. А. Зарубиной (Симферополь), В. И. Кефели (Слипери-Рок, США), С. В. Карпенко (Москва), М. Б. Кизилу (Симферополь – Тюбинген, Германия), В. В. Корнилову (Харьков), В. И. Королеву (Симферополь), С. В. Корновенко (Черкассы), Л. П. Кравцовой (Симферополь), В. В. Крестьянникову (Севастополь), Н. Н. Колесниковой (Симферополь), В. П. Купченко (Санкт-Петербург), Х. Кырымлы (Анкара,

Турция), Я. В. Леонтьеву (Москва), Е. В. Мажаровой, Ю. М. Могаричеву, А. В. Мальгину (Симферополь), С. Л. Новикову (Ялта), В. Н. Прокопенкову (Севастополь), Д. А. Прохорову (Симферополь), С. С. Секиринскому (Москва), Д. В. Соколову, Н. М. Терещук (Севастополь), В. П. Федюку (Ярославль), С. Б. Филимонову, В. В. Харабуге, Л. Н. Храпуновой (Симферополь), В. П. Хрулевой (Санкт-Петербург), С. В. Ченныку (Симферополь), С. М. Червонной (Москва), Е. Н. Шурановой (Кемерово) и многим другим, без которых эта книга не увидела бы свет.

Глава I

От Марта к Октябрю

Таврическая губерния складывалась из двух частей: Северной Таврии (Днепровский, Мелитопольский и Бердянский уезды), населенной преимущественно украинцами, и многонационального, многоконфессионального Крыма (Симферопольский, Ялтинский, Феодосийский, Евпаторийский, Перекопский уезды). Статус градоначальств имели Керчь-Еникале и Севастополь – база Черноморского флота.

Территория губернии, по переписи населения 1897 года, составляла 53 053 кв. верст, население – 1 551 058 человек, из них городское – 282 654 человека, плотность населения – 27,2 человека на кв. версту (для сравнения соседние и географически близкие губернии и др. единицы: Екатеринославская (соответственно) 2 112 651; городское – 253 993; плотность – 37,9; Херсонская – 2 732 832; 795 377; 43,2)³. В 1917 году плотность увеличилась до 36 человек⁴.

В общей численности населения полуострова (по данным 1917 года) – 808 903 человека – русские и украинцы составляли 49,4 % (399 785 тысяч), крымские татары и турки – 26,8 % (216 968), евреи, включая крымчаков, – 8,4 % (68 159), немцы – 5,1 % (41 374), далее – греки, армяне, болгары, караимы и прочие, всего – 34 национальности⁵. С марта 1917 года в Крым возвращаются сосланные царским правительством в отдаленные губернии крымские татары – подданные воюющей с Россией Турции.

Прекрасный климат благоприятствовал развитию сельского хозяйства – основной отрасли крымской экономики – и связанных с ним перерабатывающих предприятий. Крестьянских хозяйств, по переписи 1917 года, насчитывалось 69 625 (64 945), 40 % из которых были безземельными. Лучше всего землей были обеспечены немецкие колонисты: безземельных практически нет. Хуже всех татары (многие из которых потеряли участки из-за отсутствия на них документов) – 65 % безземельных⁶, затем русские.

77,8 % крестьян были малоземельными (с наделами 10 и менее десятин). Земли сосредоточивались в руках крупных владельцев: имеющим участки свыше 100 десятин (11,5 % хозяйств) принадлежало почти 90 % всей земли. Это способствовало широкому распространению аренды. Малоземельные как брали участки в аренду, так и сдавали их, уходя на заработки. Крепкие крестьяне прибегали к аренде с целью заработать и прикупить еще земли. Ежегодно в аренду сдавались свыше 25 тысяч десятин, из них большая часть – на условиях *скопщины*. Скопщики селились на владельческой земле и обязаны были отдавать собственнику десятую часть урожая (отсюда название «*десятишники*»). Чем дальше, тем больше *скопщина* превращалась в самую настоящую обдираловку: добавлялись разные штрафы, отработки, отдавать же в качестве платы за землю в ряде случаев уже приходилось до половины урожая. Это усиливало и так высокую в Крыму степень социального расслоения на селе, что создавало почву для конфликтов.

Землеустроительная деятельность по реформе П. А. Столыпина в Таврической губернии в основном закончилась к 1914 году. Всего со времени издания закона 9 января 1906 года по 1 января 1915 года¹ в частную собственность было продано 19 293 десятины 1 192 домохозяевам, так что в 1917 году частновладельческих хозяйств насчитывалось 4810. Им принадлежало, согласно различным данным, от трети до половины всей земли (данные по С. А. Усову и П. Н. Надинскому).

---

¹ Даты до 1 февраля 1918 года указаны по старому стилю.

Немалую площадь занимали казенные и удельные владения, а также *вакуфные* (вакуф – в мусульманском праве имущество, переданное государством или частным лицом на религиозные или благотворительные цели) земли. Впрочем, они со второй половины XIX века активно прибирались к рукам частными владельцами и казной. Последнее осуществлялось так называемой вакуфной комиссией, созданной в 1885 году. И если ко времени присоединения Крыма к Российской империи насчитывалось около 300 тысяч десятин вакуфных земель, то в 1918 году их осталось только 83 тысячи⁷.

Итак, в горах и предгорных районах полуострова преобладала крымско-татарская беднота, в центральной части – русские и украинские крестьяне-середняки, а ближе к северу – немецкие колонии, державшиеся на наемном труде и уже переходившие к интенсивному земледелию. Разница в средних размерах частного владения составляла: 15 десятин (Ялтинский уезд) – 1 000 (Перекопский и Евпаторийский)⁸.

К концу XIX века ведущую роль стало играть быстро растущее товарное производство зерна, вытесняя овцеводство и опережая по темпам развития такие традиционные отрасли, как виноградарство и садоводство. В 1913 году злаковыми было занято 664 074 десятины. Хлеб был главной статьей крымского экспорта. Перед войной через Феодосийский и Керченский порты ежегодно вывозилось 10–30 миллионов пудов зерна и муки.

За полтора с небольшим десятилетия увеличилась в два с лишним раза и составила в 1917 году 12 713 десятин площадь под садами. Практически весь урожай крымских садов поступал в распоряжение «москвичей», крупных купцов-фруктовщиков из столицы и других больших городов. Широкой популярностью пользовалась продукция симферопольских консервных фабрик – товариществ «Эйнем», А. И. Абрикосова, братьев Шишман, П. А. Коркунова. Что касается вина (а его в 1914 году было произведено 439 986 ведер), то заметный удар по экономике Крыма нанесло Временное правительство, запретив виноделие в марте 1917 года.

В годы войны расширяются площади под табаком (с 2155 десятин в 1914-м до 3204 в 1917 году)⁹. Папиросами в большом количестве снабжалась действующая армия. Высокая доходность табаководства и колоссальная арендная плата побуждали хозяев выжимать все соки из девушек-работниц, среди которых были и 10–13-летние девочки. Рабочий день в разгар сезона доходил нередко до 18–20 часов. Тяжесть труда батрачек и их беззащитность перед произволом хозяев стали общим популярным сюжетом в литературных произведениях того времени.

В эти годы функционировали 9 крупных заводов и фабрик с числом рабочих свыше 500 и 36 предприятий с персоналом в 100 и более человек. Так называемые «мастерские военного порта» Севастополя – морской, машиностроительный и электротехнический заводы – насчитывали 7000 рабочих, Керченский металлургический, к началу 1917 года, – 2215¹⁰. Крупным предприятием был Феодосийский коммерческий порт. Война обогатила экономику полуострова еще одной отраслью – самолетостроением (завод А. А. Анатра в Симферополе, 700 рабочих; аэропланые мастерские (1-й Крымский завод аэропланов) В. Ф. Адаменко в Карасубазаре (ныне Белогорск). В Крыму значительная часть фабрично-заводского пролетариата была занята на кирпичных, пищевых и прочих фабричках с 11–12 работниками, которые, как и ремесленные мастерские, представляли собой костяк крымской промышленности.

Городское население сельскохозяйственного края быстро росло, опережая прирост численности сельских жителей, и к 1914 году достигло 45 % населения. За 1900–1914 годы горожан стало больше примерно на 70 тысяч¹¹. Жили они в Симферополе, Алуште (получила статус города в 1902 году), Балаклаве, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Керчи, Перекопе и Армянском Базаре (ныне г. Армянск), Севастополе, Старом Крыму, Феодосии, Ялте. Урбанизация, обычно несущая с собой нивелировку, не помешала сохранению каждым городом своего лица.

Крым в начале XX столетия находился на подъеме. Однако набравшая темпы модернизация не выкорчевала докапиталистические элементы. Урбанизация не успела изменить аграрного характера экономики. Масса крымско-татарского населения, большей частью, если не считать Бахчисарая и Карасубазара, разбросанного по многочисленным горным деревенькам, продолжала существовать в патриархальном измерении. Национальные взаимоотношения, хотя и таили в себе пока незаметные зерна возможных, разжигаемых (дай им волю) политиками и подстегиваемых давними счетами конфликтов, были спокойными. Социальные противоречия, конечно, наличествовали, но замкнутость сельских населенных пунктов, отсутствие нормальной дорожной сети, преобладание ремесленных мастерских и мелких предприятий над крупными, политическая девственность населения сглаживали их. Радикальные взгляды не находили опоры: крымские жители предпочитали сложивший уклад жизни, стабильность, постепенность перемен. Уровень жизни, сравнительно с другими губерниями, благодаря климатическим условиям был более-менее приемлем. Серьезной питательной среды для многолетней вооруженной междоусобицы не было. Ее могли привнести только извне.

Война заметно ухудшила экономическое положение Крыма. Цены росли – к 1917 году: на хлеб – более чем в 3 раза, мясо – в 4,5, масло – в 5, картофель – в 10, на обувь – более чем в 7 и т. д. Вскоре после начала боевых действий Крым стал заполняться беженцами из западных губерний; сюда же устремились армяне из Турции, спасаясь от резни. Обстановка обострялась, усиливались антивоенные настроения, активизировалось стачечное движение.

В условиях затянувшейся войны со всеми ее последствиями, роста всеобщего недовольства оживилось общественное движение. Однако никакого серьезного, оформленного политического движения мы, однако, в Крыму к 1917 году не видим.

Февральская (вернее, Февральско-мартовская) революция, смена власти и формы правления были встречены большинством крымчан скорее с безразличием, нежели с восторгом или неприятием.

Исключительную роль играли события на флоте, ибо он был организацией общероссийской. Командующий флотом Черного моря (с 1916 года) вице-адмирал А. В. Колчак получил первое известие о событиях в столице, находясь на эскадренном миноносце в Батуме. Учитывая то определяющее обстоятельство, что Россия пребывала в состоянии войны, он направил секретное приказание коменданту Севастопольской крепости перекрыть почтовое и телеграфное сообщение Крыма с прочей Россией, а телеграммы и почту передавать только в штаб командующего флотом. Вскоре, по мере получения очередной информации, связь полуострова с центром была восстановлена.

Фактический начальник штаба флота в то время капитан 1-го ранга М. И. Смирнов вспоминал: «Опубликование первых известий не произвело заметного влияния на команды и на рабочих. Служба шла нормальным порядком, нигде никаких нарушений не происходило. Это явилось новым доказательством того, что революционной подготовки в районе Черного моря не было». Колчак распорядился об освобождении из тюрем политзаключенных, роспуске полиции, жандармского корпуса и формировании городской милиции. Был опубликован приказ Петроградского совета № 1 и дублирующий его приказ военного и морского министра А. И. Гучкова, которые отменили звание «нижние чины», ограничения гражданских прав солдат и матросов (например, запрет ездить внутри трамвая, а также в 1-ми 2-м классах поездов, курить на улицах, посещать буфеты), титулование офицеров. Смягчались кары за дисциплинарные проступки.

Вскоре, однако, ситуация несколько изменилась. «...Пришли первые газеты из Петрограда и Москвы. Появилось много новых газет социалистического направления, призывавших к низвержению государственного строя и разложению дисциплины в армии и на флоте. Во мгновение ока настроение команд изменилось. Начались митинги. Из щелей выползли преступные агитаторы»¹².

12 марта флот был приведен к присяге новой власти. Русские генералы и офицеры сделали свой выбор. Так же как и А. В. Колчак. Однако ненависть к офицерам, всяческому начальству и «буржуйам», что, подобно семенам, была посеяна в матросской массе условиями ее службы, помноженная на жажду «воли» и развал государства, очень скоро даст в Крыму ужасающие всходы.

Из весенних впечатлений прибывшего в Севастополь офицера: «Как всегда, везде встречались матросы, но большинство, однако, не отдавало честь, и только одиночные иногда подымали руку к фуражке. (...) На улицах не было городских – старых знакомых, которых так привык видеть на этой дороге и часто любоваться их выправкой. Вместо них ходили с винтовками какие-то оборванцы и зеленая молодежь – гимназисты лет пятнадцати, реалисты и вообще очень молодые люди. (...) Словом, Севастопольская милиция первых дней революции производила комичное и несерьезное впечатление.

Скоро я вошел в подъезд штаба... Уже в вестибюле я был поражен той картиной, которую увидел: масса солдат 5-го полка в расстегнутых шинелях и мундирах ходила, сидела и лежала на каменном полу. Никто не встал при моем приходе, везде была грязь, кожура семечек, какие-то объедки, окурки... Все эти люди громко говорили, спорили, горланили, были растрепаны и грязны. (...)

Было пусто и больно на душе, чувствовалось, что хотя и нет в Севастополе убийств, подобных кронштадтским, но есть что-то липкое, цепкое, ползучее, что-то нездоровое, не революционный подъем и красота, а страх и заискивание перед загадочной матросской и солдатской массой»¹³.

Так начиналась новая эпоха. Наиболее прозорливые умы предвидели, что это будет эра катастроф.

Верховная власть в губернии принадлежала теперь губ-комиссару, первоначально в лице бывшего председателя Губернской земской управы Я. Т. Харченко, уполномоченному «Хлебармии» по Таврической губернии, занимающейся поставками хлеба и фуража для армии. С мотивацией – правые взгляды и махинации с хлебом – он замещается распоряжением правительства от 27 марта членом конституционно-демократической партии, ялтинцем, кадетом Н. Н. Богдановым² с помощниками социал-демократами П. И. Бианки и П. С. Бобровским. На местах создается институт уездных комиссаров.

Опорой комиссара были комитеты общественной безопасности (общественные комитеты), возглавляемые в основном деятелями либерального толка. Самостоятельной властной роли комитеты не играли. Сохранились как органы управления городские думы и управы,

---

² *Богданов Николай Николаевич* (1875–1930). Из обедневших дворян Рязанской губернии, помещик. Учился в Рижском политехническом институте, но курса не закончил. Как политически неблагонадежный выслан под надзор полиции в Раненбург Рязанской губернии (1897–1900). Член Раненбургской уездной и Рязанской губернской земских управ (1905), почетный мировой судья. Кадет, депутат II Государственной думы от Рязанской губернии (входил в Конституционно-демократическую фракцию, состоял в комиссии по народному образованию). Упомянут В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос и силы революции». До переезда в Крым на жительство служил инспектором в Русском страховом обществе при правлении в Санкт-Петербурге. Семья с 1907 года жила в Алушке. В 1910 году купил два участка земли в Симеизе, где построил собственные дачи «Малый Богдан» и «Большой Богдан», председатель общества дачевладельцев Симеиза. В 1913 году избран гласным, а затем председателем Ялтинской земской управы. Председатель Таврической губернской земской управы. Член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) с 1916 года. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии, заведовал финансовой частью. Министр внутренних дел, а также первоначально военный и морской министр Крымского краевого правительства С. С. Крыма (1918–1919). После падения Краевого правительства выехал с семьей в Новороссийск и вновь вступил в Добровольческую армию, затем в армию А. В. Колчака. С мая 1919 года член Всероссийского национального центра. В ноябре 1920 года эмигрировал в Константинополь (Стамбул), в начале 1921 года переехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Сторонник П. Н. Милюкова. С 1923 года жил в Чехословакии. Являлся хранителем Русского заграничного исторического архива. Затем вместе с семьей переселился во Францию (Париж, курортное местечко Ла Фавьер). Масон, член ложи «Северная Звезда» (Париж). В 1947 году его супруга Софья Павловна и дочь Софья Николаевна вернулись на Родину. Посетив рязанскую землю, переехали в Крым и поселились в Симферополе у родственников по линии сводного брата Анатолия Петровича Шишкина.

губернское и уездные земства (решение Временного правительства о создании волостных земств фактически не было реализовано). В июне – июле, сентябре – октябре в них состоялись перевыборы.

Началось формирование профессиональных союзов. Они были весьма разнообразны. Так, первый профсоюз мусульман Симферопольского района, образованный в апреле 1917 года, объединял 63 музыканта¹⁴.

В марте 1917 года временные центральные бюро, затем – советы профсоюзов возникают в Симферополе и Севастополе. Возродившиеся в 1917 году фабрично-заводские комитеты – *фабзавкомы* (или, как они официально определялись, – низовые профсоюзные ячейки на предприятиях), своеобразные внутрифабричные общины, как и везде по стране, были более радикальными, чем собственно профсоюзы. На съезде фабзавкомов 12 октября было представлено 21 145 рабочих.

Профсоюзы же создавались и возглавлялись меньшевиками и предпочитали заниматься сугубо материальными проблемами.

За четыре месяца после Февраля было создано 255 профсоюзов, объединяемых по городам Центральными бюро, с численностью более 65 тысяч человек. В контакте с советами и соцпартиями профсоюзы добиваются весной сокращения рабочего дня до 8 часов примерно для 30 тысяч рабочих и служащих (данные по всей губернии)¹⁵.

Как и по всей стране, органы Временного правительства в губернии вынуждены были сосуществовать с иными властными структурами. Первую скрипку среди них играло возрожденное детище 1905 года – советы и их исполнительные комитеты, которые оформились раньше партийных комитетов.

6 марта был создан Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК) Черноморского флота, который возглавил эсер К. В. Сафонов. Аналогичные комитеты создавались на кораблях, в каждой береговой части и в полку. Их задачами были: «1) поддержание дисциплины в частях; 2) заботы о продовольствии и обмундировании; 3) заботы о просвещении людей. Никакими оперативными и боевыми вопросами комитеты не имели права заниматься»¹⁶. А. В. Колчак утвердил принятое решение. 7–10 марта создаются совет рабочих и совет солдатских депутатов, объединившихся в совет солдатских и рабочих депутатов под руководством меньшевиков. 28 марта происходит слияние ЦВИК с советом рабочих и солдатских депутатов в Севастопольский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов..

Весной советы формируются во всех городах Крыма. Полоса организации Советов крестьянских депутатов, волостных и уездных, оказалась более растянутой: лето – осень 1917 года. Рядом с ними функционируют правительственные временные земельные комитеты. Повсеместного объединения городских и сельских советов в Крыму в течение 1917 года так и не произошло. Севастопольский, Симферопольский, Керченский, Феодосийский, Евпаторийский, затем Ялтинский советы приступают к изданию своих печатных органов – «Известий».

О начальном периоде советского движения в Крыму после Февральской революции сохранились свидетельства участника событий, члена РСДРП (интернационалисты) И. Ф. Федосеева, впоследствии большевика. «...Первый Симферопольский Совет был организован по инициативе Симферопольской группы соц. – дем. Никакие другие политические партии в организации его участия не принимали»¹⁷. Выборы проходили по производственному принципу: один делегат от предприятий с количеством рабочих от 20 до 50 человек, по одному от 50 человек на более крупных предприятиях. Делегатами могли быть только работающие по найму, с 18 лет. Партийная комиссия по выборам, сетует Федосеев, не наметила кандидатов заранее, что при слабой сознательности и информированности рабочих было просчетом. Поэтому в число делегатов попали мастера, административный персонал и даже совладелец завода.

Первый пленум Симферопольского совета состоялся 9 марта 1917 года. В исполком были избраны 15 человек: 11 социал-демократов (двое из них назвались большевиками, ничем в дальнейшем себя в этом качестве не проявив), 3 эсера, 1 беспартийный. При исполкоме были созданы комиссии: секретариат, продовольственная, лекционно-агитационная, информационная, юридическая, военная, организационная, следственная. Возглавил исполком социал-демократ П. И. Новицкий, впоследствии – также председатель Таврического губисполкома. Эта процедура была характерна для всей Таврической губернии. Лидерство в советском движении на первых порах принадлежало меньшевикам. В крестьянских советах сильные позиции занимали эсеры.

10 мая съезд советов Таврической губернии окончательно определил советскую тактику на период до Учредительного собрания. Ведомые меньшевиками советы встали на путь пресечения классовой розни, пытаясь закрепить мирный путь развития революции. Крымские советы заняли платформу полной поддержки Временного правительства, что продемонстрировали съезды 24 марта и 10 мая.

При этом национальный вопрос за весь 1917 год ни разу съездами советов не обсуждался и, таким образом, был отдан на полный откуп самим национальным активистам. 30 марта исполком Симферопольского совета отклонил просьбу татар о предоставлении им мест в совете. По свидетельству И. Ф. Федосеева, Симферопольский совет «среди нацменьшинств определенной работы не вел. В своем составе представителей от нацменьшинств не имел... По существу, Совет был противником национальной автономии»¹⁸. На экстренном заседании Таврического совета 24 мая, посвященном решениям Всероссийского съезда советов, была принята следующая резолюция по национальному вопросу: «Признавая право каждой нации на самоопределение, Совет считает недопустимыми до созыва Учредительного собрания попытки отдельных национальностей разрешить самочинно национальный вопрос»¹⁹. «Отдельные национальности», однако, ждать Учредительного собрания не желали.

Февральская революция ознаменовала запрещение черносотенных организаций. Монархисты всех мастей мгновенно исчезли из поля зрения. В Крыму попытки их консолидации случались, но серьезного характера не носили. В марте 1917 года в Ялте, на даче вдовствующей императрицы Марии Федоровны, создана «партия 33-х» (число участников?). Об этой группе можно найти упоминания у разных исследователей, правда, и с разной хронологией. Специальная комиссия Временного правительства ликвидировала этот кружок. Летом в ряде районов Крыма появились листовки и воззвания монархической организации, выступавшей под лозунгом «Вперед за царя и святую Русь!». Возможно, это были осколки «партии 33-х».

Нами были обнаружены в архивах следы существования какой-то монархической группы под романтическим названием «Лига Красной Перчатки» (1 июня 1917 года), в отношении которой было даже возбуждено обвинение²⁰.

По Таврической губернии прокатилась волна арестов бывших агентов охранного отделения, провокаторов, а также черносотенцев и пр. Первоначально этим, во внесудебном порядке, занимались советы. После постановления Временного правительства от 16 июля 1917 года о неприкосновенности личности внесудебные аресты сменяет правовой подход.

Не вызвало никакого неудовольствия, напротив – источники отмечают сочувствие, прибытие в Крым с конца марта, по распоряжению Временного правительства, группы повергнутых Романовых. В имении «Ай-Тодор» расположились: вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал, организатор военной авиации России, великая княгиня Ольга Александровна и их родственники; в имении «Дюльбер» – великий князь Петр Николаевич с женой и детьми; в имении «Кореиз» – Юсуповы; в имении «Чаир» – бывший Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с женой и детьми²¹. Выезды Романовым были запрещены, телефонная связь отсутствовала;

они находились под постоянной охраной. 26 апреля, с распространением слухов о готовящемся заговоре монархистов, Севастопольский совет направил в Ялту специальную комиссию во главе с подполковником А. И. Верховским, будущим военным министром Временного правительства. В результате ссылки подверглись бесцеремонному обыску, угрозам и тривиальному ограблению, что было покрыто Временным правительством.

В декабре, в период первой вспышки матросского террора, над Романовыми навис дамоклов меч расстрела, на чем настаивал Ялтинский совет и чему, не без труда, воспрепятствовал комиссар Севастопольского совета Ф. Л. Задорожный. Только в мае 1918 года, после германской оккупации, Романовы смогли вздохнуть свободно, впоследствии они покинули Крым, избежав тем самым участи родственников на Урале и в Петрограде.

Меньше повезло памятникам. 19 апреля толпа взяла в осаду памятник Александру III в Феодосии. Он был обклеен полотнищами с надписями «Позор Феодосии». 21 июня у памятника «снова собралась громадная толпа матросов и преображенцев и потребовала снять памятник». Местный совет согласился, прося, однако, подождать конца «подготовительных работ». «Но матросы и солдаты... сами взялись за работу и сняли фигуру»²². Это произошло 22 июня. Более драматично события развивались в Бахчисарае. 3 июня сюда для поимки дезертиров были отправлены севастопольские матросы, 16-го – солдаты симферопольского гарнизона. Разбредаясь по окрестностям, военные в ходе облав творили всевозможные бесчинства, учинили дебош в Бахчисарайском дворце, разрушив памятник 300-летия Дома Романовых, убили белобилетника Э. Бели. Председатель Бахчисарайского мусульманского бюро Б. Муртазаев с горечью констатировал: «Когда народ увидел, что солдаты, борющиеся за свободу, сами нарушают ее, то начали появляться возгласы: «Что дала нам свобода, братство и равенство; со стороны грубых полицейских и жандармских чиновников при старом режиме не встречали таких обращений». Невольно появилось сомнение, что в России существует свобода... В городе и окрестностях начались грабежи. Воры являются в военной форме, как бы посланные комитетом для обыска, и, расхитив все драгоценное, исчезают бесследно»²³. Газеты, остерегаясь дискредитации «революционного народа», предпочитали не афишировать подобные факты. А они, кстати, свидетельствовали о том, что солдатско-матросская масса, быстро разлагаясь в тыловых условиях и уверовав в полную свою безнаказанность, выходит из-под всякого контроля, даже собственных советов.

Впрочем, и крымско-татарские активисты приложили руку к уничтожению памятников. Ими был разрушен монумент Николаю II, снят орел с памятника в честь 300-летия Дома Романовых и срублены три каштановых дерева, посаженные в 1886 году императором Александром III, Марией Федоровной и наследником Николаем (Бахчисарай). Орел был снят под предлогом: «В восточной стороне не должно быть памяти о Европейском могуществе»²⁴. К слову, по инициативе смотрителя Бахчисарайского дворца-музея, члена Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), статского советника С. А. Плаксина в октябре 1920 года началось восстановление памятника 300-летию Дома Романовых.

Вторая половина марта – апрель 1917 года прошли в Крыму под знаком воодушевления и надежд на скорое светлое будущее. По крымским городам прошумели Праздники Свободы, демонстрирующее трогательное согласие всех и вся, во время которых «восторженные клики «ура» лились из многотысячных уст и потрясали воздух»²⁵. 10 марта, день похорон в Петрограде героев (жертв?) революции, был объявлен Днем «всемирного почитания». Даже в те экзотические уголки, где царствовали многовековые традиции, места, ранее предельно далекие от всякой политики, кроме местных интриг, проникала эта официализированная атмосфера «свободы». Вот корреспонденция из Бахчисарая: «Город постепенно, но вполне определенно меняет свою физиономию: прежняя апатия к общественным делам, которую так ярко проявляли граждане этого во многих отношениях своеобразного города, заменяется несомненным

общественным подъемом. Охотно посещаются лекции и митинги, с жадностью прочитываются газеты, организуются политические партии и проч. Одним словом, Бахчисарай приобщается к общей работе и за короткое время достиг заметных результатов: прочитано около десяти лекций, организованы союзы учителей, рабочих, приказчиков, бюро мусульман, грандиозно прошел праздник 1 мая (18 апреля) и, наконец, 25 апреля образована здесь партия социалистов-революционеров...»²⁶.

Но не проходит и двух месяцев, как те же «Южные Ведомости» в весьма эмоциональном стиле (перепады настроения свойственны времени) формулируют нечто противоположное: «Наблюдавшийся недавно общественный подъем и оживление сменились упадком энергии, самодеятельности, общим равнодушием, доходящим местами до размеров самой безнадежной апатии.

Дух революционный испарился. Мы вступили в полосу мертвого штиля, несущего гражданское небытие»²⁷.

Непосредственно после Февральской революции и буржуазные, и социалистические, и национальные организации всячески подчеркивали свое единство и лояльность Временному правительству. 17 марта под председательством

А. Я. Хаджи в Симферополе состоялось общее собрание партии кадетов. Оно высказалось за установление демократической республики и единодушие советов с Временным правительством до конца войны. Недвусмысленно о поддержке Временного правительства и его действий заявляли умеренные социалисты – эсеры и меньшевики (большевики в Крыму еще окончательно не отпочковались от единой РСДРП). Такую же линию проводили многочисленные национально-общественные и культурные организации: мусульманские исполкомы, еврейские и армянский города Ялта общинные комитеты, украинские громады и украинское культурно-просветительное общество «Просвита», эллинское и греческое, великороссов, немцев, караимское, болгарское, польское, литовское, эстонское, молдавское общества (и комитеты).

5 марта устами архиепископа Таврического Дмитрия Таврическая епархия поспешила заявить о полной лояльности новой власти, сменившей богопомазанного Государя.

Тем временем Крым удостоили чести посещения большие «демократические» особы. В мае в Ливадийском дворце начинает свой отдых прибывшая императорским поездом «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, ставшая, по воле пропагандистов, символом февральских перемен. 16 мая в Севастополе объявился А. Ф. Керенский. «Через сто лет после Великой французской революции, – вещал военный и морской министр, – Россия пережила такую же великую революцию, и мы теперь так же говорим: «свобода, братство и равенство», и равенство не только правовое, но и социальное (*рукоплескания*), мы объединимся в железные батальоны труда и пойдем завоевывать мир всему миру и все права человеку, которые ему принадлежат» (*продолжительные аплодисменты*)»²⁸. Керенский побывал и на кораблях, где призывал моряков к продолжению войны и сохранению дисциплины во имя революции. О выступлениях министра перед военными М. И. Смирнов отозвался следующим образом: «Надо отдать справедливость, что его речи производили действие на матросов и вообще на людей малоразвитых и неспособных к самостоятельному и логическому мышлению. Но это действие через короткое время исчезало, так как слушатель *забывал* (курсив наш. – *Авт.*) содержание речи, потому что смысла в ней было мало, – был лишь фонтан трескучих фраз». А. В. Колчак, составивший свое нелицеприятное мнение о Временном правительстве в целом и о Керенском в частности ранее, высказался о последнем: «болтливый гимназист»²⁹.

Как раз во время визита Керенского возник инцидент вокруг помощника по хозяйственной части капитана над Севастопольским портом, генерал-майора Н. П. (А. Б.? в разных источниках фигурируют разные инициалы) Петрова, который якобы занимался спекуляцией с кожами поставляемого для флота скота. Центрисполком, вопреки решительному противо-

действию Колчака, вынес решение об аресте Петрова, что и было сделано (по мнению Керенского, арест был вызван отказом Петрова выполнять распоряжения ЦИК без подписи командующего флотом³⁰). Это был прецедент – первый случай ареста офицера матросами. Колчак тут же послал телеграммы на имя главы правительства князя Г. Е. Львова и Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева, в которых заявил, что вследствие самочинных действий комитета, а также совета, не подчиняющихся его требованиям, он не может нести ответственность за Черноморский флот и просит отставки. Керенский первоначально занял сторону исполкома, выпендриваясь провозглашая: «...В деле генерала Петрова ц. и. к. поднял свой престиж на новую, еще небывалую высоту. Я буду телеграфировать... Временному Правительству, что ц. и. к. достиг великого государственного понимания задач. Я приказал отстранить генерала Петрова от служебных обязанностей и назначить следствие над ним»³¹. Однако правительство предпочло занять нейтральную позицию, результаты работы двух комиссий по этому делу обнародованы не были, Петрова освободили (и он продолжал службу до февраля 1918 года, что, возможно, доказывает его невиновность), а Керенский мгновенно изменил свое мнение. В своих мемуарах он сообщал: глава правительства князь Львов попросил его уладить конфликт, и он лично убеждал командующего, «что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него нет основания для расстройств, что положение его намного прочнее, чем он предполагает»³². В конце концов Колчак остался на своем посту. А фигура Керенского не могла не оставить всем своим поведением впечатление эфемерности, сиюминутности происходящего.

В конце мая прошли перевыборы Севастопольского совета. Новый состав отличался широким представительством солдат. Совет вел политику автономной, независимой от командующего флотом деятельности. Офицеры, в свою очередь, ввели практику закрытых собраний. Разлад и взаимное озлобление нарастали.

В начале июня в Севастополь прибыла делегация от Центрального комитета Балтийского флота (до этого на север была отправлена умеренно-оборонческая «Черноморская делегация» во главе с подполковником А. И. Верховским и восторженным эсером, в неловко сидящей на нем матросской форме, очень популярным некоторое время Федором Баткиным). Балтийцы произносили радикальные речи, электризуя обстановку. Они выступали против т. н. займа свободы и за опубликование тайных договоров прежнего правительства.

5 июня командование фактически утратило свои функции. Начались аресты офицеров. 6 июня делегатское собрание армии, флота и рабочих вынесло резолюцию об отстранении от должности Колчака и Смирнова. Последняя попытка вицеадмирала Колчака, обвиненного в «возбуждении матросских масс» своими действиями, повлиять на команды провалилась: на делегатском собрании 7 июня ему просто не дали слова. Началось разоружение офицеров. Некоторые из них, не желая разоружаться, застрелились. Далее, повествует Смирнов, вицеадмирал призвал офицеров не сопротивляться. «Затем адмирал приказал поставить команду «Геorgia Победоносца» во фронт и сказал ей вдохновенную, патриотическую речь, в которой указал губительные для родины последствия поступков команд, разъяснил оскорбительность для офицеров отобрания от них оружия, сказал, что даже японцы не отобрали от него георгиевское оружие после сдачи Порт-Артура, а они, русские люди, с которыми он делил тяготы и опасности войны, наносят ему такое оскорбление. Но он своего оружия им не отдаст»³³. После этого адмирал выбросил свою Георгиевскую саблю в море. Однако ни речь Колчака, ни его поступок впечатления на матросов не произвели.

Тем временем правительство отбило Колчаку телеграмму, в которой ему предписывалось сдать командование контрадмиралу В. К. Лукину и выехать в Петроград.

Колчак сдал дела Лукину, а его начальник штаба М. И. Смирнов – капитану I ранга А. С. Зарину. Ночью 9 июня они покинули Севастополь.

Отставка Колчака совпала с визитом в Севастополь американской военно-морской миссии во главе с контр-адмиралом Дж. Г. Гленноном. Его речь на делегатском собрании, в которой американец призвал к продолжению совместной борьбы с Германией, встретила полное одобрение, после чего делегаты постановили: вернуть часть оружия офицерам, прекратить обыски и аресты и выполнять все распоряжения нового командующего Лукина. Это, однако, никак не означало приостановки дальнейшего разложения флота, уже утратившего свою боевую способность.

Временное правительство, пытаясь хоть как-то повлиять на события в Севастополе, выслало телеграмму с требованиями прекратить «анархию» и вернуть оружие офицерам. Судовые комитеты и команды, обсудив телеграмму, выразили лояльность Временному правительству, освободили арестованных офицеров, но сочли нужным выдавать оружие офицерам только одновременно с солдатами. На флот отправилась официальная комиссия под председательством товарища министра юстиции А. С. Зарудного и эсера И. И. Бунакова (Фондаминского), будущего комиссара флота. Комиссия сочла возможным возвращение Колчака на пост командующего флотом (другое дело, что флот и сам Колчак по разным мотивам придерживались противоположной точки зрения), чем ее функции и были исчерпаны.

Крупнейшей по численности и влиянию в Крыму, как и России в целом, в 1917 году была партия социалистов-революционеров (ПСР). В мае только севастопольская ее организация насчитывала 13 тысяч человек³⁴, а в октябре общая численность вышла на уровень 35 тысяч³⁵ по губернии и до 30 тысяч – в Севастополе³⁶. Состав партии: городские средние слои, моряки Черноморского флота, солдаты (работе в судовых, гарнизонных и прочих комитетах ПСР уделяла особое внимание), частично – рабочие и крестьяне. Областной комитет партии, воссозданный в апреле, возглавил И. П. Попов. Из партийных лидеров выделим А. С. Никонова, авторитетного члена ЦК ПСР И. И. Бунакова (Фондаминского), в 1917 году – генерального комиссара Временного правительства на Черноморском флоте, И. Ю. Баккала (Севастополь, впоследствии левый эсер), В. Д. Жирова, А. В. Фосса (оба – Симферополь). «Национальными отпочкованиями ПСР являлись организации украинских с.-р. в Симферополе, Феодосии и др. местах. По политическим убеждениям к партии социалистов-революционеров примыкали организации еврейской социалистической партии (СЕРП. – *Авт.*) в Севастополе, Керчи, Феодосии, армянской партии Дашнакцютун (Симферополь, Керчь, Феодосия, Ялта), крымско-татарской объединенной соцпартии»³⁷. С августа партия начинает терять свой прежний, «народный» ореол, ее ряды редеют (тем более, что прием был беспорядочный, а организация – рыхлой), однако до конца года эсеры продолжают лидировать среди крымских политических объединений благодаря если не активности, то численности. Осенью (а в Севастополе – в июне – августе) выделяется радикальное крыло, оформляясь (ноябрь – декабрь) в самостоятельную партию левых эсеров. Печатные органы (в рассматриваемый период): «Революционный Севастополь», «Вольный Юг» (Севастополь), «Земля и Воля» (Симферополь), впоследствии «Путь Борьбы» (Севастополь, 1918) левых эсеров.

В неонародническом спектре правее ПСР располагались либералы: народные социалисты (НС) и трудовики (700–900 человек). Среди лидеров – С. Я. Елпатьевский (Ялта), член ЦК партии НС, известный татарский общественный деятель К. Крымтаев, литератор К. А. Тренев, И. К. Кондорский. Народные социалисты играли видную роль в крымских кооперативах. Близка к народным социалистам была ежедневная газета, одно из ведущих печатных изданий Крыма, орган Таврической губернской земской управы «Южные Ведомости» и, в частности, ответственные ее редакторы А. Б. Дерман и А. П. Лурье (Лурия). Левонароднический фланг представляли максималисты, группа экстремистского толка.

Большим авторитетом еще с дореволюционных времен пользовалась на полуострове РСДРП. Сразу после Февраля в городах Крыма возрождаются социал-демократические орга-

низации. 9—10 апреля на конференции в Ялте был реанимирован Крымский союз РСДРП. В организационный комитет Союза вошли Н. Л. Канторович, В. И. Бианки, А. А. Иоффе, И. Ф. Федосеев, Г. Е. Бережани (член Симферопольского совета; в октябре вышел из организации «объединенцев» и вступил в «Единство»).

Крымских социал-демократов (меньшевиков) возглавляли крупные политические фигуры – организаторы, ораторы, публицисты. Помимо популярного П. И. Новицкого и названных выше, это были: В. А. Могилевский (председатель губкома РСДРП), профсоюзный деятель Е. И. Либин, присланные центром партийцы со стажем А. Г. Галлоп и Н. А. Борисов, советский работник Е. И. Рабинович, Б. Я. Лейбман (присяжный поверенный). Костяк партии составляли квалифицированные рабочие, ремесленники. В армии и на флоте позиции меньшевиков были слабыми. Численность Союза к осени достигла 4500 человек³⁸ (другие данные – более 5000³⁹).

Крымский союз был объединенной организацией (меньшевики, бундовцы – на правах автономии, большевики, или, скорее, «ленинцы», под которыми неопределенно понимались противники войны и интернационалисты). В апреле начинают обособляться большевики. С сентября Союз разваливается. Размежевываются интернационалисты и оборонцы. Свои группы обозначают: РСДРП (объединенная) – «объединенцы» и социал-демократы (интернационалисты). Формируется крымский «филиал» плехановцев «Единство», партия, стоявшая на крайне правом фланге социал-демократии (группа во главе с П. С. Бобровским оформилась еще в апреле). Газета «Прибой» (Севастополь) выражала позиции более-менее ортодоксального меньшевизма.

«Съезживается» защищавший специфически еврейские интересы Бунд. К концу 1917 года в губернской организации меньшевиков осталось около тысячи членов.

Среди левых к концу года бесспорно доминировали большевики. А ведь весной их насчитывалось не более нескольких десятков человек. Первая самостоятельная большевистская группа, в виде фракции Севастопольского совета, сложилась в мае (руководитель – матрос С. Г. Сапронов, затем – И. А. Назукин, А. И. Калич, И. К. Ржанников, И. Н. Клепиков). Однако положение большевиков в общественно-политической и «народной» среде было незавидным. Их листовки и литературу союз печатников выпускать отказался. Флот их не признавал: дело доходило до разгрома клуба, избиений и сброса с кораблей, как это было с И. Финогеновым на эсминце «Гневный»⁴⁰. Связь с центром была чисто условной. Да и уровень образованности, подготовленности крымских большевиков оставлял желать лучшего.

В конце июня – июле, отражая растущее недовольство рабочих, создаются первые самостоятельные большевистские группы. С августа появляются большевистские фракции в советах. Так, в Севастопольском совете фракция насчитывала в это время 25 человек, сама же партия – 150⁴¹.

Размежевание с меньшевиками завершилось в октябре-ноябре, когда были избраны губернский комитет (2 октября) и парторганизатор (Ж. А. Миллер). Ряды большевиков укрепляются прибывшими в Крым представителями ЦК. Это: Н. И. Островская, Ю. П. Гавен³

³ Гавен (Дауман) Юрий Петрович (Ян Эрнестович) (1884–1936). Родился в окрестностях Риги, в крестьянской семье. Окончил церковноприходское училище. Поступил в Прибалтийскую учительскую семинарию, из которой в 1902 году был исключен за революционную деятельность. Учитель. Социал-демократ (член Латышской СДРП) с 1902 года. Профессиональный революционер. Активный участник революции 1905–1907 годов (отряды «лесных братьев»). На I (1906) и II (1907) съездах социал-демократии Латышского края избирался членом ЦК. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП (1907) (под псевдонимом Доннер), где практически по всем вопросам голосовал вместе с большевиками. В 1907 году арестован, с 1909-го – на каторге в Вологодской губернии, с 1914-го – на поселении в Енисейском уезде. Освобожден Февральской революцией. В марте 1917 года избран председателем Минского совета. В сентябре – делегат Всероссийского Демократического совещания. С начала октября 1917-го – в Крыму (направлен ЦК РСДРП(б)). Член бюро Таврического губкома РСДРП(б), председатель Севастопольского ревкома (конец 1917-го – начало 1918 года), председатель Крымского ВРК (январь 1918 года), заместитель председателя Таврического ЦИК советов (весна 1918-го), нарком по военно-морским делам Республики Тавриды и др. После

(вошли в Севастопольский совет), Н. А. Пожаров, Я. Ю. Тарвацкий, С. П. Новосельский. К моменту октябрьского переворота численность таврических большевиков достигла 1871 человека⁴² и продолжала, в отличие от прочих партий, расти. 19 декабря стали выходить «Известия Севастопольского Военно-Революционного Комитета» (с конца декабря – «Известия Севастопольского Совета Рабочих и Военных Депутатов»).

В это же время видную роль на арене политической борьбы начинают играть анархисты, партией себя, как известно, не считавшие. Группы анархистов действовали в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте и др. Наиболее известная фигура среди них – севастопольский матрос А. В. Мокроусов. Галопирующее «полевение» масс осенью 1917 года обусловило резкое усиление влияния анархистов на Черноморском флоте. Достаточно сказать, что 30 августа на первом заседании Центрального комитета Черноморского флота (ЦК ЧФ, Центрофлот) его председателем был избран анархист Е. Н. Шелестун, вполне лояльный, надо сказать, большевикам. Н. И. Островская с тревогой сообщала в ЦК РСДРП(б) 30 сентября: «...За последнее время анархисты развелись, и за отсутствием наших выступлений их принимают за нас. Наши не отходят, но масса «левее» по-анархистски, при южном темпераменте и политической невоспитанности это может привести к хлопотам немалым и не вовремя, главное»⁴³.

Крымские конституционные демократы (КД) – партия народной свободы (сколько-нибудь заметные группировки правее их не прослеживаются) организовались, видимо, раньше всех. Организации КД возникают в Севастополе, Симферополе, Керчи, Ялте, Феодосии, Евпатории и др. Это была партия либерально настроенной, государственного мышления интеллигенции, считавшей императивом упрочение, но не видоизменение завоеваний Февральской революции. Активисты КД: Д. С. Пасманик, Н. Н. Богданов, С. С. Крым, В. К. Винберг. Социальный состав: в основном интеллигенция, были представлены и рабочие. Численность – до 2 тысяч⁴⁴. Печать: «Таврический Голос», «Ялтинский Голос»; в какой-то степени позиции КД отражал беспартийный либерально-социалистический «Крымский Вестник».

На многонациональном полуострове в 1917 году действуют около 30 национальных партий, движений и обществ (собственно партийных организаций и движений осенью – 23; из них 16 – социалистические, 13 – национальные; объединяли 55–60 тыс. человек, 4,5 % трудоспособного населения⁴⁵).

Позже создается Русская община (организатор и руководитель – П. И. Квит). Впоследствии она послала первых бойцов в формирующуюся Добровольческую армию⁴⁶. Некоторое время просуществовало также полуподпольное правое Великолорусское вече.

В Севастополе формируется Украинский национальный комитет. В марте там же на арену выходят украинские эсеры (лидер – К. П. Величко, костяк – матросы ЧФ, призванные из малороссийских губерний). В апреле подобная организация возникла в Феодосии. Летом в Севастополе была создана организация УСДРП. Центральная Рада инициирует формирование весной – летом в Таврической губернии местных рад (Севастополь, Симферополь, Евпатория), украинских войсковых комитетов (Севастополь, Симферополь), громад (Севастополь, Симферополь, Евпатория, Ялта). В 1917 году все эти группы придерживались умеренно-социалистической ориентации. Их целью в это время была автономия Украины в составе демократической федеративной России.

ее падения – в революционном штабе Кубано-Черноморской республики, затем в Москве. Один из организаторов крымского подполья. В период КССР председатель Областкама КП(б)У, нарком внутренних дел, председатель Совета обороны. Затем – снова в Москве. В 1920–1921 годах – член Крымревкома, в 1921–1923 годах – председатель КрымЦИКа, в начале 1920-х – председатель комиссии по борьбе с бандитизмом Крымской центральной республиканской комиссии помощи голодающим – КрымЦКпомгол. Отозван из Крыма в 1924 году как сочувствующий троцкистской оппозиции. Серьезно болел, постоянно лечился. До 1933 года – периодами на госслужбе, хозяйственной работе, затем – на пенсии. Автор мемуаров и исторических трудов. Арестован и расстрелян по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности и терроризме. Реабилитирован.

Члены армянской партии Гнчак, действующей в Крыму с 1903 года, не смогли воссоздать самостоятельных организаций в Крыму после Февраля, а дашнаки сформировали подотделы в Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, объединившиеся осенью в Таврический союз, а также – губернский комитет партии.

На выражение интересов еврейского населения полуострова претендовали: сионисты (Альгеймайн-Цион, входили в Сионистскую организацию России – СОР) (с национальной целью и программой воссоздания еврейского государства на территории Палестины, в связи с чем постулировалось неучастие во внутривосточных российских коллизиях как чуждых евреям); Циери-Цион (Сионистская народная фракция, близкая по своим взглядам к кадетам, входила в СОР); Бунд (социал-демократы); Поалей-Цион (сионисты-социалисты); СЕРП (Социалистическая еврейская рабочая партия, неонародники); Мизрахи (федерация иудейского духовенства и близких к нему кругов, входила в СОР); впоследствии сионистское студенческое объединение Фереин (входило в СОР).

Весной 1917 года была предпринята попытка создания Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения, идеологом которой стал С. С. Ельяшевич⁴⁷.

Совершенно особо, по нашему мнению, стоит вопрос о крымско-татарском национальном движении. «Татарские националисты перестали быть гонимыми революционерами, – писал хронологически первый исследователь национального движения крымских татар, участник революционных событий в Крыму, коммунист В. А. Елагин, – они превратились в национальных общественных деятелей, и перед ними встала гораздо более благодарная и многообещающая задача, чем организация движения в пользу Турции, связавшей свою судьбу с судьбой императорской Германии: задача мирного устройства самостоятельности Крыма в федеративной связи с революционной Россией»⁴⁸.

После Февральской революции была воссоздана группа социалистов-федералистов. Летом она образовала объединенную социалистическую татарскую партию, включившую в свою программу постулаты социалистов-революционеров вкупе с сугубо национальными требованиями.

12 марта под влиянием А. А. Боданинского состоялось общее собрание Крымского мусульманского благотворительного общества, создавшее временный мусульманский революционный комитет во главе с самим Боданинским, Ибраимом Фехми и Ибраимом Тарпи, претендовавшего на должность *муфтия* – духовного главы крымских мусульман.

15 марта в Симферополе на собрании крымско-татарских активистов выдвинут вопрос о ликвидации Мусульманского (Магометанского) Духовного правления и Вакуфной комиссии как органов, носящих «полицейско-охранительный характер». Было решено прекратить практику фактического назначения муфтия сверху. 17 марта, после торжественного богослужения во всех мечетях, тысячи татар Симферополя собрались на новом кладбище, где принесли присягу Временному правительству. 20 марта с фронта прибывают Ч. Челебиев⁴ и Дж. Сейдамет⁵.

---

⁴ Челебиев Челеби (Челебиджихан, Челебиджан Нуман (Номан) (1885–1918). Родился в д. Буюк-Сонак Перекопского уезда (на территории современного Джанкойского района, ныне не существует) в семье крупного землевладельца, имама мечети. Окончил медресе. Увлёкся социалистическими идеями и в 15-летнем возрасте покинул отчий дом. В национальном движении с 1906 года. Учился в Константинопольском университете (высшее юридическое и богословское образование), там же, в Турции, арестовывался за пропаганду революционных идей. В годы Первой мировой войны вольноопределяющийся на Румынском фронте. Поэт. В марте 1917 года на I крымско-татарском съезде избран муфтием – главой Таврического мусульманского духовного управления и председателем Мусульманского исполнительного комитета (Мусисполкома). Оборонец. Осудил выступление Л. Г. Корнилова, а затем и Октябрьский переворот 1917 года. Кандидат в члены Учредительного собрания от Таврической губернии. В декабре 1917-го избран главой Курултая (национального съезда), председателем Национального правительства (Совета директоров, Директории), директором юстиции. Возглавлял умеренное крыло «курултаевцев». 4 января 1918 года подал в отставку. 14 января был арестован. Доставлен в Севастополь и в числе прочих жертв развернувшегося террора расстрелян без суда 23 февраля 1918 года.

25 марта в Симферополе открылось общее собрание мусульман Крыма (от 1,5 тыс. до 2 тыс. делегатов, представлявших 12 организаций), родившее (Крымский) Временный Крымско-мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком) из 48 человек (был утвержден Временным правительством) под председательством Ч. Челебиева. В первый состав ЦК Мусисполкома вошли М. Д. Енилеев, Б. А. Меметов, М. Сыдык-эфенди, А. Зекьяи (?), А. С.-А. Озенбашлы, А. Лятиф-эфенди⁴⁹.

Усилия Мусисполкома, как понимал их Ч. Челебиев с соратниками, должны были быть направлены на: «1) объединение крымско-татарского народа, организацию местных комитетов и подготовку татар к учредительному собранию, 2) реорганизацию духовного правления и управления вакуфами, 3) коренную реформу школьно-воспитательного дела крымских татар»⁵⁰. Была принята резолюция о переходе вакуфных имуществ и доходов с них в национальное достояние, послана приветственная телеграмма Временному правительству с выражением полной лояльности, произведен сбор пожертвований в фонд победы России в войне⁵¹.

Весной – летом возникло 124 региональных исполнительных комитета (городских, уездных, волостных). 80 % членов Мусисполкома были «объединенными социалистами»⁵². С 5 апреля фактически все дела крымских татар – культурные, религиозные, экономические, а затем и политические – переходят в ведение Мусисполкома.

По указанию Мусисполкома исполкомы на местах начали создавать комитеты женщин и молодежи. Кроме того, в Симферополе и Бахчисарае были организованы комитеты студентов и школьников. Одновременно Мусисполком открывал краткосрочные курсы по повышению квалификации татарских учителей и подготовке уездных и районных работников. В Симферополе открылись женская татарская гимназия и женский татарский техникум. Мусисполком за подписью Челебиева опубликовал воззвание о снятии чадры с татарок. Для всех учителей татарских школ вводились экзамены. С августа 1917 года Зинджирлы-медресе в Бахчисарае реорганизовано в педагогический институт⁵³.

Интеллектуальная крымско-татарская верхушка позаботилась об информационной основе движения. С июня выходят газеты: «Миллет» («Нация», на крымско-татарском языке); независимая (на крымско-татарском языке) «Кырым Оджагы» («Крымский Очаг»), отражающая линию оппозиционеров Мусисполкома, но вскоре закрывшаяся с продажей своей типографии газете «Миллет»; с июля – «Голос Татар» (на русском языке, орган левого крыла

⁴⁹ Сейдамет (Кырыммер) Джафер (1889–1960). Родился в д. Кизилташ (ныне с. Краснокаменка) Ялтинского уезда в семье зажиточного крестьянина. Окончил гимназию, учился на юридических факультетах Константинопольского университета (1908–1910), Сорбонны (Париж), где в январе 1914 года ему было присвоено звание «бакалавра права Французской республики» по специальности «международное право», в Петербургском университете (1914). Автор книги «Угнетение татарского народа в 20 в.» (Стамбул, 1910), за которую выслан из Турции. В Париже посещал социалистические курсы Ж. Жореса. Накануне Первой мировой войны вернулся в Россию, закончил школу прапорщиков (1916), отправлен на фронт. Сотрудничал в «Терджимане». После Февральской революции один из ведущих организаторов национального движения. Член Мусульманского исполнительного комитета, председатель комиссии по вакуфным имуществам (с марта 1917 года). Оборонец. Временное правительство утвердило Сейдамета комиссаром по вакуфным имуществам (занимался передачей земель из рук духовенства крестьянам). Инициатор создания при Мусисполкоме военного комитета, перевода в Крым явочным порядком крымско-татарского батальона. Делегат Съезда Народов в Киеве. Бескомпромиссный противник советской власти. В 1917–1918 годах: член Курултая, национального правительства – Совета директоров (Директории) (военный и внешних дел «директор»), организатор Крымского революционного штаба, лидер «непримиримых»; депутат Учредительного собрания. Принимал активное участие в боевых действиях против севастопольских матросов (январь 1918 года). После поражения бежал в Турцию. В мае 1918 года вернулся в Крым; министр иностранных дел первого Крымского краевого правительства (май – сентябрь). Эволюционировал от признания права на полуостров всех национальностей Крыма до проектов создания, при поддержке Германии и Турции, государства по типу Крымского ханства. Однако в последнем, пытаясь, не имея на то полномочий, летом 1918 года добиться от Германии признания самостоятельности Крыма, потерпел полную неудачу. Из-за конфликта с русскими общественно-политическими силами подал в отставку с поста министра. В ноябре 1918 года безуспешно пытался наладить связь с А. И. Деникиным. Весной 1919 года устанавливает контакты с Польшей, информируя польское правительство о положении в Крыму и подробно освещая этапы развития крымско-татарского национального движения. Из Германии перебрался в Швейцарию (в Лозанне создает Крымско-татарское бюро), осел в Турции. Автор мемуаров.

Мусисполкома). Продолжает издаваться газета «Енъи Терджиман» («Новый Переводчик»), основанная просветителем И. Гаспринским в 1883 году.

Лидерами Мусисполкома стали: Дж. Сейдамет, председатель Вакуфной комиссии; А. С. Айвазов; М. М. Кипчакский, С. Дж. Хаттат(ов), А. А. Боданинский и др. Бесспорным авторитетом для всех татар, вне различия взглядов, был Ч. Челебиев. Он становится во главе Духовного управления и демократическим путем избирается муфтием.

Взгляды Челебиева, судя по его публичным высказываниям, ограничивались на первых порах реализацией крымско-татарской культурно-национальной автономии в составе федеративной России. Но идеи турецкого патронажа в руководстве национального движения не надо сбрасывать со счетов. Вообще зигзагообразность политического поведения «курултаевцев», как окрестили их крымские газеты, относительно внешних, явных и возможных, покровителей стала их видовой чертой.

Мурзачество и архаичное духовенство, потерпев неудачу на собрании 25 марта, на какое-то время сумело консолидироваться и развернуть кампанию против демократов – «безбожников» и ревнителей женского равноправия. Но 24 июля их вождь, Ибраим-эфенди Тарпи, был исключен из Мусисполкома за интриги против Челебиева и попытки занять там главенствующее положение. Провалилась и его акция по созданию конкурентного татарского центра – Союза мусульман-ученых (*улемов*) – в начале сентября. Съезд духовенства был сорван татарской молодежью.

Несомненна социалистическая ориентация большинства «просветителей». Однако темен, да еще и запутан в советское время вопрос о возникновении и деятельности т. н. Национальной партии – Милли-фирка.

Советский историк А. К. Бочагов считал, что Милли-фирка сложилась в июле 1917 года, и ее руководящее ядро составили: Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттатов, А. Хильми, А. С.-А. Озенбашлы, А. С. Айвазов, Дж. Аблаев. Он же приводит текст второй редакции программы партии (1918? 1919?)⁵⁴. В архиве нами обнаружена машинописная копия редакции партийной программы, выпущенной в виде листовки типографией газеты «Миллет» в 1917 году⁵⁵, что и дало повод согласиться с хронологией Бочагова. Правда, современный крымско-татарский исследователь Р. И. Хаяли указывает, что это программа Татарской партии (объединенная социалистическая татарская партия), которую, по его мнению, нет оснований отождествлять с Милли-фирка и которая прекращает свое существование весной – летом 1918 года⁵⁶.

Но о создании Милли-фирки в 1917 году пишет и А. С. Айвазов, в публикации записок которого участвует Р. И. Хаяли. Нельзя исключать, что «Татарская партия» была одним из названий той же Милли-фирки на раннем этапе ее деятельности.

По словам Айвазова, программа Милли-фирки, которую отстаивали Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет, среди прочего поставлена на обсуждение и утверждение на Всекрымском татарском делегатском съезде (1–2 октября 1917 года). После двухчасового обсуждения она была единогласно принята⁵⁷.

Этот вариант программы был выдержан в общедемократическом духе с народническим замесом. Провозглашался суверенитет народа, отстаивались равенство всех перед законом, политические свободы, демократические выборы, отмена сословных различий, паспортов, неприкосновенность личности, жилища, писем, декларировались социализация фабрик и заводов, ликвидация вакуфного землевладения и имущества в прежней, религиозной, форме. Был выдвинут лозунг: «Вся земля принадлежит общинам», по принципу: каждому земледельцу столько земли, сколько он может обработать без применения наемного труда. Оговаривались культурно-просветительские задачи (создание национальных форм на основе обязательного, всеобщего и бесплатного обучения, введение делопроизводства на родном языке). Выделим

идею равноправия женщин и активного вовлечения их в общественно-политическую жизнь. В вопросе национально-государственного устройства Милли-фирка выступала за федеративную Россию, в которой «все языки должны быть равны», а Крыму отводилось место ее субъекта.

Второй вариант той же программы был гораздо более детализирован и не столь прямолинеен, как первый.

Если верить тюремным запискам Айвазова в застенках НКВД, агентом которого ему пришлось стать с 1930 года⁵⁸, Милли-фирка имела две программы – официальную и нелегальную. Вторая сводилась к восстановлению самостоятельности Крыма под протекторатом европейских великих держав. При этом не будем забывать о тех условиях, в каких создавались записки Айвазова.

По его же данным, на делегатском съезде перед голосованием по программе Милли-фирки Челебиев объявил: «Кто желает войти в партию «Милли-Фирки», прошу поднять руки». Все делегаты это и сделали. Далее Айвазов пишет: «Таким образом, все участники съезда, около 300 человек, считались вошедшими в партию. После этого лидерами «М. Ф.» Сейдаметовым и Челебиевым было предложено делегатам, что каждый может вербовать на местах в «М. Ф.» новых членов и организовывать ячейки «М. Ф.» в городах и деревнях».

Членских билетов и взносов не существовало. Объявившие себя членами считались членами Милли-фирки и регистрировались. При приеме в партию вербовщики не обращали никакого внимания на происхождение того или другого человека, принимались все без исключения. За это ратовал один из семи ярых националистов Озенбашлы Ахмед, который говорил: «Мы являемся татарами и мусульманами, а в Коране сказано: «Все мусульмане – братья, все татары – родные». Мусульманство нас объединяет Кораном – религией, а татарство – по расе и крови. Так что у нас не может быть классов»⁵⁹.

Позже у Милли-фирки, при всей ее условности как партии, появилась и организационная конструкция («Партийная инструкция» – устав), весьма жесткая, вступающая в откровенное противоречие с официальными демократическими программными установками⁶⁰. Бросается в глаза проводимый в ней строжайший, кастовый централизм.

Таким образом, народническая, социалистическая основа и, вместе с тем, беспрекословное подчинение центру; стремление к автономии (что, впрочем, на публике пока лицемерно отрицалось; но разве федеративность государственного устройства России изначально не предполагала создания автономий?), прорастающее в сферу политической и межнациональной борьбы, но пока еще не дошедшее до стадии государственного обособления; «непрестанные колебания... между Сциллой демократии и Харибдой большевизма»⁶¹ – таковы особенности национального движения крымских татар после Февральской революции.

Первым «смотром» национальных сил и возможностей, поводом для которого послужил конфликт Мусисполкома с органами Временного правительства, стали события июня–июля 1917 года. Их стержнем явилась проблема создания чисто этнических (равно – одноконфессиональных) военных соединений, убежденнейшим сторонником чего выступал Челебиев. С такой просьбой муфтий обратился к военному министру еще 17 мая, предложив перевести в Крым запасные тыловые части Крымского конного полка. В июне крымско-татарская делегация предприняла «разведывательную» миссию в Петроград, столкнувшись в столице с полным безразличием к своим нуждам. После этого, 18 июня, началось сведение всех солдат-татар Крыма в единый комплекс.

Формирование сугубо национальных по составу военных единиц мотивировалось следующими обстоятельствами: необходимостью соблюдения мусульманских обрядов и обычаев, жизненно важных для крымского татарина (намаза, праздников, запрета на свинину и пр.), что невозможно в смешанных частях, ростом всевозможной уголовщины, пример украинцев.

Итак, хроника инцидента и связанных с ним событий.

4 июля. В связи с намерением властей включить 1-й крымско-татарский батальон в состав 32-го пехотного полка Мусисполком, ряд других организаций, солдаты-татары выражают ответное намерение оставить его в Крыму для защиты населения от произвола асоциальных элементов.

13 июля. Симферопольский Совет рабочих и солдатских депутатов (СРиСД), в лице помощника губкомиссара Временного правительства П. С. Бобровского, предлагает прокурору Симферопольского окружного суда возбудить уголовное дело против муфтия Челебиева, подстрекающего солдат-татар не отправляться на фронт. Челебиев отрицает обвинение.

23 июля Ч. Челебиев был арестован контрразведкой и увезен в Севастополь вместе с командиром татарского батальона прапорщиком Шабаровым.

Следует иметь в виду, что Челебиев действительно агитировал солдат расходиться по домам в связи с мусульманскими праздниками, и это вызвало неудовольствие Исполнительного бюро общественного губернского комитета при губкомиссаре и самого губкомиссара, кадета Н. Н. Богданова, настаивавшего на привлечении Челебиева к ответственности; но к аресту, уверял позже Богданов, он никакого отношения не имел. В то же время заявление (донос) в контрразведку с обвинениями Челебиева в сношениях с враждебным тогда России государством – Турцией – направила группа крымских татар-традиционалистов. Видимо, это обстоятельство и послужило причиной ареста.

Известие о случившемся вызвало массовый (срежиссированный) взрыв возмущения крымских татар. На имя властей с мест сыплются телеграммы, пестрящие фразами: «первый народный Муфтий», «наш обожаемый Таврический Муфтий» (!) и т. п. Страсти разгораются нешуточные. На улицах Симферополя – у здания губернского правления, где идут бурные заседания всевозможных организаций, у тюрьмы, где, по слухам, содержится муфтий, – группируются возбужденные солдаты-татары, съезжающиеся со всех концов Крыма представители.

24 июля. С утра этого дня (и до 8 августа) в Таврической губернии запрещаются «всякого рода митинги, собрания, шествия и скопления народа»⁶². Днем контрразведка освобождает Челебиева и Шабарова. В Симферополе муфтия ожидала восторженная встреча. П. С. Бобровский и П. И. Новицкий съездили в Севастополь, где контрразведчики признали, что для ареста не было оснований.

Таким путем Челебиев приобрел ореол страдальца за народное дело, а кадеты в лице Н. Н. Богданова – статус врагов крымско-татарского народа. Мусисполком потребовал отставки губкомиссара, которая произошла, однако, только в ноябре.

Одним из определяющих ситуацию и в то же время чрезвычайно болезненным для Крыма оказался вопрос о его взаимоотношениях с Украиной. Центральная Рада, все более дистанцируясь от центра, проявляла в то же время и все большее желание втянуть в орбиту своей «самостийности» Крымский полуостров. Общественный комитет (с представительством от КД, ПСР, РСДРП), чьи решения являлись пожеланиями для губернского комиссара, учитывая активизацию Рады и гипотетическую вероятность отрыва от центральных районов, считал нужным постановить: «Признав невозможным включение той или иной местности в состав какой-либо автономной территориальной единицы без ясно выраженного желания населения данной местности, обратить внимание временного правительства на то, что вопрос о включении Таврической губернии в состав автономной Украины не разрешен ни одной из общественных организаций губернии и что поэтому и разрешение его временным правительством преждевременно»⁶³.

Но украинский вопрос стал одним из тех многих вопросов, где Временное правительство продемонстрировало свое полное бессилие.

Однако рядовое население – с ухудшением своего положения, ростом неуверенности в наступающем и тревоги, стало – в значительной своей части – благоволить Украине, которая, казалось, несет спокойствие и сытость.

В июле губкомиссар Богданов получил телеграмму за подписью генерального секретаря Рады по внутренним делам

В. К. Винниченко с приглашением прибыть на «предварительное краевое Совещание» 25-го числа. В Крыму это было расценено как вмешательство в его внутренние дела. Бюро губернского комитета 14 июля, «обсудив вопрос и принимая во внимание, что Губернский Комиссар не получал от Временного Правительства никаких указаний на включение Таврической губ [ернии] в состав будущей Украины, что и по существу вопроса включение Таврической губернии, весьма пестрой по национальному составу, с меньшинством украинского населения, является нежелательным, что даже в северных уездах, где можно предполагать численное превосходство украинцев, вопрос этот не возникал или был решен отрицательно, постановило: представителей на краевое совещание от Таврической губернии не посылать»⁶⁴.

Политика Рады провоцирует ответную реакцию определенных кругов в Крыму. С августа все чаще звучат требования украинизации ЧФ. Делегация мусульман (Дж. Сейдамет и А. С.-А. Озенбашлы) «прощупывает» в июле Раду. Орган Мусисполкома сообщал: «Украинскую раду посетила депутация мусульман, обратившаяся с просьбой поддержать их (кого конкретно? – *Авт.*) стремление к установлению автономии Крыма. Мусульмане выражают пожелание о территориальном присоединении Крыма к Украине.

Мусульмане представили раде докладную записку, основные пункты которой: сконцентрирование всех мусульман-солдат, находящихся в Крыму и вне Крыма, – в Симферополе, образование из них отдельного войска; при штабе округа должен быть мусульманский комиссариат; командный состав должен состоять из мусульман, точно [так же] врачебный персонал в лечебных учреждениях; командир полка должен избираться *мусульманским исполнительным комитетом* (курсив наш. – *Авт.*)».

Генеральный секретариат, «обсудив домогательства мусульман... не согласился с некоторыми из них (любопытно, с какими согласился? – *Авт.*), признав вообще преждевременным предпринимать шаги перед центральным правительством до разрешения вопроса о территории Украины»⁶⁵.

15 апреля Временным правительством было издано постановление о выборах в городские думы. Гласных предназначалось избрать в 18 городах Таврической губернии. Это были первые в истории России массовые демократические выборы. Остановимся на некоторых особенностях избирательной кампании конца мая – июля.

Известная апатия населения, демагогия, навешивание ярлыков хотя и не приняло массового характера, но место, как говорится, имело. Силловые методы, которые были присущи «либеральным» и крымско-татарским землевладельцам, а также большевикам. Как муниципальные, так и земские выборы дали значительный перевес социалистам, а среди них – эсерам.

Экономика страны продолжала катиться в пропасть. В Крыму ее спад летом – осенью 1917 года принимает характер полного развала. Промышленное производство сворачивается. Рабочие, во имя которых будто бы совершалась революция, оказываются ненужными. Дороговизна, писали газеты, создавала «безотрадную картину нужды». Рука об руку с ней шел дефицит.

К октябрю рыночные цены достигли: пяти рублей за фунт масла, двух – за десяток яиц, четырех-пяти – за курицу или утку, шести – за фунт картофеля. «Но и по таким ценам очень трудно что-либо достать»⁶⁶, – грустно заключала газета.

Зарплата росла (например, у учителей на протяжении всего года – от 100 до 200 рублей в месяц, у рабочих – на 50–150 %), однако никак не поспевала за ценами. Вместе с зарплатой, как водится, росла инфляция. В октябре она стала галопирующей. «Цены скачут уже не по дням, а по часам и минутам. Один и тот же кусок масла, доставленный на базар, в течение часа повышается в цене на 1 рубль за фунт»⁶⁷.

Если в довоенное время Таврическая губерния вывозила до 80 миллионов пудов хлеба в год, то в 1917-м имела к вывозу не более 20–25 миллионов (сказался и неурожай 1916 года)⁶⁸.

Правда, хлеб для обеспечения минимальных потребностей еще был. На конец августа было собрано 7,5 миллиона пудов, из них предназначалось к вывозу (фронт, центральные губернии) 3,2⁶⁹. Однако двукратное повышение цен на хлеб и хлебопродукты в начале сентября (с провозглашением России республикой, строго говоря, незаконным) усилило напряженность. Обостряла положение с хлебом не только спекуляция.

Чрезвычайно раздражала население неразбериха в деятельности самых разных лиц и организаций, заготавливающих хлеб. Торговцы противодействовали снижению цен, ссылаясь на всяческие трудности; деревне нужны были промышленные товары, а их катастрофически не хватало; хлебные северные уезды губернии тянулись к Украине.

Результаты не заставили себя ждать. 3–4 сентября «мучные беспорядки» охватили Керчь. Погромы базаров и лавок в августе – октябре прокатились чуть ли не по всем городам Крыма. В Бахчисарае население захватило продовольственную базу и поделило запасы. В 18–20 сентября, телеграфирует комиссару Евпатория, рабочие обыскивали дома торговцев и частных владельцев «целью обнаружения скрытых предметов первой необходимости точка Население города сильно раздражено эксцессов не было точка»⁷⁰. Солдаты не только не стали разгонять самоуправщиков, но сами приняли участие в обысках. Из Севастополя был вызван крейсер! Власти впервые решились на применение к недовольным серьезной военной силы. Военный отряд был послан и в Геническ. Телеграммы комиссара в Петроград, лихорадочная деятельность его и его аппарата свидетельствуют о состоянии, близком к панике.

С начала мировой войны правительство приняло решение о введении в стране сухого закона. После Февраля оно было подтверждено, в том числе и в Крыму.

Все просьбы населения о введении хотя бы ограниченной продажи вина оставались безответными, хотя и подпольное производство спиртовых суррогатов, и черный рынок действовали вовсю. Винных же складов наличествовало немало, что порождало и немалые соблазны. Последние, как и следовало ожидать, выплеснулись наружу. Произошло это в Феодосии 12 октября. Солдаты толпой ринулись к винным складам. Начался пьяный дебош, стрельба, грабежи. Город захлестнула вакханалия безвластия, длившаяся до 16 октября.

Об этих днях оставили свидетельства два поэта, ставшие свидетелями «праздника плоти», – М. И. Цветаева и (почти свидетель, Коктебель) М. А. Волошин.

Волошин (письмо Ю. Л. Оболенской 20 октября): «В Феодосии погромы, пьянство, разбивают погреба... До нас еще пока не дошло, хотя, рано или поздно, конечно, дойдет»⁷¹.

Цветаева (письмо 19 октября С. Я. Эфрону): «Все дни выпускают вино. Город насквозь пропах. (...) У одного старика выпустили единственную бочку, к[отор]ую берег уже 30 лет и хотел доберечь до совершеннолетия внука. Он плакал...»⁷²

Власти поначалу были бессильны: часть военнослужащих никаких приказов не признавала. Войска были вызваны из Симферополя. Из Севастополя пришел крейсер. Наконец беспорядки были прекращены⁷³. Пресса сообщила: «Феодосия. Спокойствие в городе – полное. По настоянию солдат-украинцев, вынесших всю тяжесть охраны города, все вино, находящееся в городе, уничтожено совершенно. Вылито до 75 тыс. ведер на сумму до 1 % миллиона р.»⁷⁴.

В Евпаторийском уезде с очень высоким процентом безземельных началась самовольная запашка земли. Интересно, что к ней приступили скопщики-немцы, известные законопослушностью. Ну а дальше покатилось. Май – июль, имение графа Мордвинова, Улу-Сала (ныне с. Синапное Бахчисарайского района), Фоти-Сала (с. Голубинка Бахчисарайского района), Османская (Османчик? ныне с. Холодовка Судакского горсовета), Сейтлер (ныне п. Нижнегорский), Кикенеиз (ныне с. Оползневое Ялтинского горсовета) и т. д. Крестьяне прибирают пахотную землю, сенокосы, требуют прекратить помещичье расхищение лесов и сами начи-

нают их расхищать. Привычным становится отказ от платы за аренду. Крестьяне вспоминают свое исконное средство борьбы – поджоги. В апреле подобные явления фиксируются в 4 уездах, в октябре – в 7 (из 8 в губернии); всего по Крыму с апреля по октябрь – 57 острых конфликтов⁷⁵. Но главное – кривая роста этих конфликтов непрерывно ползла вверх.

Население тем временем перебивалось, как могло. Попытки властей смягчить ситуацию введением норм отпуска товаров, твердых цен и карточек, борьбой со спекуляцией, созданием продовольственных комитетов, хозяйственной автаркией районов, их обособлением, сравнимым с введением таможен, – ничего не помогало. Рушилась система жизнеобеспечения!

Ни коллективные договоры, ни примирительные камеры, ни установки профсоюзных руководителей не могли сбить волну растущего забастовочного движения. Число стачек с июля по октябрь возросло в 1,5 раза (с 35 до 50), количество бастующих – в 2 раза (до 25 тысяч человек). Относительно численности трудоспособных – их было немного, что объясняется не только позицией умеренных лидеров профсоюзов, но и, по нашему мнению, самим характером экономики губернии – абсолютным преобладанием мелких предприятий.

Не мог не получить своего отзыва в Крыму, однако, достаточно неопределенного, вооруженный конфликт части петроградских большевиков и анархистов с властями в начале июля. Губкомиссар Н. Н. Богданов телеграфировал министру-председателю А. Ф. Керенскому, что хотя «в губернии накопилось... много недовольства в городах преимущественно на продовольственной почве, а в деревнях на почве недостатка и дороговизны предметов первой необходимости», проявляясь «глухим ропотом», «если бы и возникли на этой почве какие-нибудь эксцессы, то вряд ли бы они носили политический характер и прикрывались бы большевистскими лозунгами»⁷⁶.

Путчистов осудили практически все демократические организации полуострова. Ряд инцидентов (насилия над некоторыми большевиками, в том числе – будущим членом Таврического ЦИК и Совнаркома Республики Тавриды И. Финогеновым; разгром Севастопольского комитета РСДРП(б)) не привел, однако, к изгнанию большевиков из советов. Да и они сами, вопреки установкам В. И. Ленина и VI съезда, не сняли лозунга «Вся власть Советам!». Именно с августа этот призыв становится все более популярным. «Пора брать власть» – все чаще и чаще звучит на всевозможных съездах, причем не только из уст большевиков. 11 сентября ЦК ЧФ принимает резолюцию: «Центральный комитет Черноморского флота, выразитель воли команд флота и портов, обсудив вопрос о кризисе власти и опираясь на решение масс в лице Советов и комитетов Черноморского флота, представивших резолюцию команд по этому вопросу, находит, что выходом из создавшегося губельного для России и революции положения является немедленная передача власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁷⁷. Переход власти от Временного правительства и его производных типа Предпарламента к советам означал переход от демократии парламентской к демократии прямой.

Большевики и близкие к ним, пусть не идейно, а на словах, внедрялись в сильные и авторитетные общественные структуры: флотское самоуправление, советы, профсоюзы, фабзавкомы. Начали создавать свои боевые отряды. Разорвав с меньшевиками, подыскивали союзников (временных): а к осени, как символ радикализации настроений, подросли новые политические игроки – левые эсеры. Налаживали контакт с центром, откуда вскоре начинают, по заданиям ЦК, «поступать» эмиссары. Почти не имея доступа к газетам (где их взгляды зачастую подавались ернически или карикатурно), крымские большевики брали свое листовками и устной агитацией.

12 октября в Симферополе прошла первая конференция большевиков. Она выдвинула кандидатом в Учредительное собрание Г. Я. Сокольников, будущего наркома финансов СССР.

Все сильнее расходящиеся в разные стороны векторы деятельности крымских политических кругов на очень короткий срок сблизил «корниловский мятеж» конца августа. 30 августа для борьбы с правой опасностью был создан Объединенный комитет революционных организаций (просуществовал до

6 сентября). Властные структуры Крыма, включая губкомиссара и губисполком, земскую управу, советы, Мусисполком и др., продекларировали свое единство. 29 августа ими было принято воззвание, гласившее: «Граждане Государства Российского! Грозный час настал. Еще минута – и брат кинется на брата. Соберите все мужество, весь разум, напрягите всю совесть, всю любовь к Родине и Свободе и скажите себе твердо: У России нет и до Учредительного Собрания не может быть иной власти, кроме Временного правительства, созданного Революцией для проведения в жизнь воли революционного народа! Свержение Временного правительства повлечет за собою гражданскую войну, гибель Родины и Свободы. Довольно крови! (...)»⁷⁸. Мусисполком счел нужным принять и собственное воззвание, которое, однако, запоздало.

А 31 августа Петроградский СРиСД одобрил политическую резолюцию «О власти», внесенную большевиками и нацеливающую на переход власти в руки советов.

Зуд власти становится нестерпимым и у «вершителей судеб» отдельных народов России. 8–15 сентября в Киеве проходит т. н. Съезд народов, где за потоками высокопарной и пока еще общеобязательной словесной шелухи выпирает упомянутый выше зуд. Приглашение на съезд получили и крымские татары. На съезде от Мусисполкома присутствовали: Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, А. С.-А. Озенбашлы, С. И. Идрисов, Э. Шабарова и А. Исхакова. Будущий коммунист Идрисов тешил себя утопиями: «Россия может стать могущественной только тогда, когда все ее народы добровольно заключат союз»⁷⁹. Озенбашлы отдал должное конкретике: «Пусть знают все, что крымские татары не позволят никому установить какую бы то ни было гегемонию на Крымском полуострове. И на этот раз крымские татары уже не покинут своего края без упорной защиты своих прав и добытой свободы»⁸⁰.

В резолюциях съезда были зафиксированы положения о федеративном устройстве России, национально-персональной автономии (более широкое, чем национально-территориальная автономия, понятие, предполагавшее общественно-правовой статус представителей любого народа на всей территории страны), равноправии языков.

Не менее, если не более важные вопросы обсуждались в кулуарах съезда. Об этом поведал на делегатском съезде (собрании) крымских татар (1–2 октября) Ч. Челебиев. «...Пункт о форме правления в нашей стране... требует такой формы правления, при которой была бы гарантирована наша самостоятельность как нации, конечно, за исключением вопросов внешней политики и военного. (...) Комитет наш нашел такое устройство [«автономное управление»] в Украине вполне отвечающим нашим интересам.

Но перед нами встает новый вопрос: о границах. Мы нашли необходимым спросить у Рады: «входит ли Крымский полуостров в пределы вашей территориальной автономии». (...) После десятидневного обсуждения на этом съезде народов, между прочим, была вынесена резолюция о том, что Крым принадлежит крымцам. На это я смотрю как на наш тактический успех, с чем они нас и поздравили, заявив: “можете управлять Крымом так, как вам заблагорассудится”»⁸¹.

Делегатский съезд принял решение созвать в ноябре *Курултай* (сейм, национальное учредительное собрание), который должен был решить вопрос о территориальной автономии Крыма и принять основные законы.

Вопрос о Курултае был поднят еще в конце августа. Получив приглашение на Съезд народов, Мусисполком ответил согласием, причем позиционировал себя для придания большей авторитетности как заместитель крымско-татарского Курултая. «Право на существование

национального парламента татарские национал-демократы обосновывали, с одной стороны, давностью этого общественного установления, игравшего известную роль в общественно-политической жизни монголо-татар, а с другой стороны, зрелостью самосознания татарского народа»⁸². Вспомнили и о «государственной мудрости монголо-татар», и о том, что у них «было немыслимо государство без Курултая и Курултай без государства», и даже о том, что Чингисхан испросил у Курултая согласия на свое верховное правление⁸³.

Кроме того, съезд занялся выборами кандидатов в Учредительное собрание. Избрали Дж. Сейдамета.

Мусисполком, получив политический карт-бланш, все настойчивее стремится к стягиванию в один кулак всех имевшихся в наличии крымско-татарских вооруженных сил, а именно — эскадронов Крымского конного полка. Для изучения вопроса в Симферополь прибыл начальник штаба Одесского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Маркс. Он пообещал перевести конный полк в Крым.

Главной же силой на полуострове был Черноморский флот. Визуально состояние флота была ужасающим. «Демократизация» перехлестнула все мыслимые границы. Новый командующий флотом, контр-адмирал А. В. Немитц, не контролировал подчиненных. Офицеры третируются, отстранялись от должностей, изгонялись, их помещения на судах захватывались матросами. «Корниловский мятеж», несмотря на то, что командующий подтвердил в приказе от 27 августа верность флота Временному правительству, усилил недоверие рядовой массы к офицерам. В октябре фиксируются первые случаи их избиения. Назревает волна мщения «за всё». «Матросы, съезжавшие на берег, ходили грязными, не соблю[да]ли формы одежды (смесь форменной одежды и штатской), многие матросы и солдаты под видом покупки товаров для своих частей занимались спекуляцией, несмотря на сухой закон, процветало пьянство. (...) Стали нормой погромы садов, огородов и виноградников, которые не могли предотвратить и усиленные патрули, а внешний вид матросов не поддавался никакому описанию»⁸⁴. Но реально силовой потенциал флота был по крымским масштабам огромен. В Севастополе, на собственно флоте и в крепости, насчитывалось около 40 тысяч моряков⁸⁵.

Сухопутные части разложились раньше.

Временное правительство теряет в армии и на флоте остатки авторитета. Это рикошетом ударяет по партиям, его поддерживающим. Октябрьские выборы в Севастопольский совет лишили эсеров 63 мандатов; количество членов партии к этому времени сократилось вдвое. Резкое неприятие вызвало учреждение на флоте военно-революционных судов и введение смертной казни в конце июля, каковую меру, однако, никто не осмелился бы применить. Разворачивается украинизация флота, которой, ввиду своего бессилия, вынуждено потворствовать Временное правительство. 1 ноября в Киеве создается Морская генеральная рада. В октябре, вопреки запрету Всероссийского Центрофлота, украинские флаги взвываются над миноносцами «Завидный» и «Гаджибей» («Хаджибей»). Готовится украинизация крейсера «Память Меркурия». А над иными судами с середины сентября реют красные флаги. Лозунг «Вся власть Советам!» становится всеопределяющим.

Итак, к октябрю действующие лица занимают исходные позиции. «В Крыму, как и в других регионах бывшей Российской империи этот... разлом совершался в своем, неповторимом, но пролагавшем русла новым историческим течением, варианте»⁸⁶. Органы Временного правительства, беспомощные, не оправдавшие надежд, теряют остатки власти.

Глава II

Начало братоубийственной бойни

После получения известий об октябрьских событиях в Петрограде утром 26 октября в Севастополе было созвано расширенное заседание исполкома совета при участии представителей профсоюзов, завкомов, корабельных и солдатских комитетов и городской думы. Тем временем Центральный комитет Черноморского флота организовал демонстрацию в поддержку свершившейся революции. Прервав заседание, эсерово-меньшевистский исполком принял весьма неожиданное решение о взятии власти в свои руки. В центр была послана телеграмма: «Петроград. Петроградскому Совету, Всероссийскому съезду Советов. Приветствуем победную революцию. Власть Советом взята. Ждем дальнейших распоряжений. Севастополь»⁸⁷. На следующий день пленум совета подтвердил содержание приветственной телеграммы.

Командующий флотом контр-адмирал А. В. Немитц, опасаясь осложнений, приказал поддержать власть советов. (Он же отдал 30 октября приказ о сдаче всего огнестрельного оружия, которому матросы, естественно, не подчинились.) ЦК ЧФ обратился с приветствием к Петроградскому военно-революционному комитету.

Чем же объяснить такой зигзаг Севастопольского совета, сделанный вразрез с тактическими установками ПСР и РСДРП(об.)? Настроением рабочих и флота, бурными митингами и демонстрациями, общим поведением партийных организаций Крыма, а также, вероятно, расчетом, что II Всероссийский съезд советов пойдет на компромисс – создание однородного социалистического правительства. Когда же ситуация в столице и губернии проявилась, исполком совета заявил о неприемлемости в переживаемый момент социалистической революции, непризнании, в принципе, советской власти как отражающей интересы только части населения, поставил под сомнение легитимность нового правительства – Совета Народных Комиссаров (СНК), – избранного на II съезде. Свою резолюцию 26 октября совет характеризует теперь как имевшую «временный» характер и избирает тактику лавирования между противоборствующими сторонами.

Прочие советы, а также партии и общественные движения встретили октябрьские события в Петрограде крайне отрицательно. Они учитывали состояние умов крымского населения (исключая весомую часть флота, рабочих завода А. А. Анатра в Симферополе и Севастопольского морского завода), как огня страшившегося междоусобицы.

I Таврический губернский съезд профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Крыма 1 ноября принимает резолюцию о текущем моменте: «(...) Правительство большевиков, созданное путем братоубийства и *гражданской войны* (курсив наш; термин уже входит в повседневный обиход. – *Авт.*), перед самыми выборами в Учредительное собрание... неспособно разрешить основные задачи революции, ибо основано на вражде и разногласии внутри самой демократии, не пользуется признанием всей революционной демократии, является правительством одной политической партии и может держаться только террором и насилием. Власть должна перейти к однородному демократическому правительству, основанному на соглашении всех социалистических партий; гражданская война и кровопролитие должны быть немедленно прекращены, проклятая вражда внутри демократии должны быть окончена. (...)»⁸⁸.

Крымско-татарское руководство дополнило оценку событий практическими выводами: «...Разыгравшиеся в Петрограде кровавые события, парализовав силу существующей власти, открывают путь для анархии и гражданской войны, размер и губительные последствия которой теперь трудно представить. Искры петроградского пожара летят по всей стране и кое-где они

попали на горючий материал». Чрезвычайное собрание представителей мусульманских революционно-демократических и военных организаций (числом 12) сочло необходимым создать исключительно из представителей революционно-демократических и социалистических организаций орган для поддержания порядка в крае и защиты революции, сформировать вооруженные отряды для защиты Симферополя (надо полагать, от черноморцев) и координирующий их деятельность Крымский революционный штаб (каковой и приступил к работе 31 октября).

О кадетях в документе сказано особо: «...Вплелись в демократию... и стараются не выпускать из своих рук руководство местной политической и общественной жизнью, давая проявлению последней желательное им направление и освещение. Взять для примера хотя бы кадета комиссара Богданова, который, игнорируя недоверие к нему населения и революционных организаций, продолжает творить на посту комиссара свое кадетское дело»⁸⁹. (Принято 28 октября.)

Итак, крымско-татарские активисты «объявили войну» на два фронта – против большевиков слева и против кадетов справа.

Резолюцию по поводу петроградских событий принимает собрание представителей общественных и революционных организаций: «Собрание осуждает попытку насильственного захвата власти со стороны большевиков Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Попытка эта является преступной авантюрой, могущей затормозить своевременный созыв Учредительного собрания»⁹⁰. Собрание избрало Губернский революционный комитет. 28 октября он был переименован в Губернский комитет спасения родины и революции.

Тем временем татары объявили войну ненавистному им Таврическому губернскому комиссару Н. Н. Богданову. Поскольку Комитет спасения не спешил удовлетворять требования татар о дезавуировании Богданова, они, вкупе с украинцами и севастопольскими матросами, покинули 29 октября заседание Комитета, после чего тот благополучно самоупразднился (6 ноября), уступив гегемонию Крымскому штабу. 4 ноября Богданов все-таки ушел в отставку, уступив место своему помощнику, правому социал-демократу П. И. Бианки. В губкомиссариат вошли также А. С.-А. Озенбашлы от татар и Близнюк от украинцев, последнего сменил В. И. Поливанов от земств.

В целом же октябрьские события в Петрограде сколько-нибудь заметной реакции в Крыму не вызвали.

«Еретически» прозвучало постановление Евпаторийского комитета большевиков (В. А. Елагин и другие): «Считать Октябрьский переворот в Петрограде несвоевременным, так как большевики, не имея большинства в рабочем классе, едва ли сумеют удержать власть в своих руках»⁹¹. Под давлением руководителей крымских большевиков Ж. А. Миллера и Ю. П. Гавена это постановление было отменено, а 5 ноября избран новый комитет.

Губисполком созывает Губернский съезд советов (Симферополь, 16–17 ноября), на котором из большевиков присутствовал только Миллер. (Большевики все более отстранялись от лагеря, считавшего себя демократическим.) Съезд 9 голосами против 7 объявил октябрьский переворот «преступной авантюрой», признал решения II съезда советов неправомочными и констатировал необходимость передачи власти «Таврическому съезду представителей городских дум, земств, демократических и национальных организаций» – «демократическому совещанию Тавриды»⁹². Таким образом, съезд призвал все небольшевистские силы к консолидации.

Приготовления к решительным действиям развернулись и в противоположном лагере. 6—10 ноября в крайне наэлектризованной атмосфере проходил 1-й Общечерноморский (Черноморский флотский) съезд, где большевики вместе с левыми и украинскими эсерами могли диктовать свои условия. Меньшевики и правые эсеры в конце концов покинули съезд. По

просьбе представителя рабочих Ростова-на-Дону съезд постановил отправить им на помощь в борьбе с белоказаками

А. М. Каледина отряд матросов. Вооруженные отряды было решено послать также в Киев и на Кубань. Для большевиков имелся большой резон в этом решении: они получали в свое распоряжение «легитимные» вооруженные силы и возможность проверить их в практических действиях, дабы потом использовать в Крыму. Съезд одобрил украинизацию флота (при санкции на то Всероссийского Учредительного собрания; впрочем, она шла спонтанно и без всяких санкций), направил приветствия всем флотам и армиям революционной России, В. И. Ленину и СНК с обещанием поддержки Черноморским флотом, а также принял резолюцию «О текущем моменте», предложенную Ю. П. Гавеном: «(...) Черноморский флот считает вновь избранный съезд Советов ЦИК единственным источником власти... Съезд призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян сплотиться вокруг своих Советов и поддерживать их в борьбе с контрреволюцией»⁹³.

Сместив на посту комиссара Черноморского флота эсера И. И. Бунакова-Фондаминского, съезд назначил на это место большевика В. В. Роменца.

Против решения съезда о посылке отрядов было командование Черноморского флота, однако его мнение игнорировалось. А Севастопольский совет только после ожесточенной полемики, благодаря альянсу большевиков и украинских эсеров (последние стремились поддержать Центральную Раду), 182 голосами «за» (89 – «против» и 28 – «воздержалось»), поддержал необходимость направления отрядов на Дон и в Киев.

На помощь ростовцам из Севастополя отплыла флотилия и выехал эшелон с матросами в количестве 2500 человек во главе с анархистом А. В. Мокроусовым. В конце ноября десант, отступив под натиском офицерских и казачьих частей, но обогатившись боевым опытом, возвратился обратно, став мощным фактором «углубления революции». Отряд численностью до 700 человек направился в Киев.

Позиция руководства и офицеров флота по поводу посылки отрядов была расценена как поддержка Каледина. С 15 ноября в Севастополе начались самочинные аресты офицеров матросами.

Большевики провели смотр своих сил на II Таврической губернской конференции 23–24 ноября. К тому времени их число достигло 1800 человек. Конференция приняла решения: 1) признать правильной политику ЦК РСДРП(б); 2) организовать отряды Красной гвардии; 3) поручить «тройке» – Ю. П. Гавен, Н. И. Островская, С. В. Констансов – подготовить издание партийного органа – «Таврической Правды». Разрабатывать план захвата власти участники съезда считали несвоевременным⁹⁴ (пока).

20 ноября делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов собрались на Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений. Большевики и кадеты отсутствовали. После весьма дружелюбных дебатов участники съезда вынесли основную резолюцию: «До выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием, которое должно быть созвано в ближайшем будущем, и воли населения трех северных уездов – путем ли опроса или путем особого учредительного собрания, – в Таврической губернии учреждается орган управления губернией – Таврический губернский совет народных представителей (СНП. – *Авт.*) как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью».

Избрав СНП в составе 48 членов (включая, помимо городов, земств, советов, профсоюзов, фабзавкомов, Крымского революционного штаба, национальные представительства в лице татар и украинцев – по три человека, великороссов – два, евреев и крымчаков – два, немцев – два, греков, армян, эстонцев – по одному⁹⁵) и президиум во главе с крестьянским делегатом И. И. Штваном, съезд под аплодисменты, здравицы и поцелуи 23 ноября завершился. Создание

СНП было первой попыткой в истории Крыма XX века образовать представительный многонациональный орган власти, пользующийся доверием населения.

СНП формально имел свои вооруженные силы в виде частей, подчинявшихся Крымскому революционному штабу – он же объединенный, или краевой, или Штаб крымских войск. Штаб подразделялся на отделы: политический, снабжения и интендантский, юридический, санитарно-ветеринарный, канцелярию военного директора – Дж. Сейдамета. Помощником Сейдамета, начальником политотдела стал полковник В. В. Макухин (Макуха) (расстрелян в январе 1918 года большевиками). Интересно, что должность командующего войсками предлагалась генерал-майору П. Н. Врангелю, пребывавшему тогда в Крыму. Тот вспоминал: «Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он видимо был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главноверх (Сейдамет. – *Авт.*), так же как и коллега его в Петербурге (Н. Н. Крыленко. – *Авт.*), мыслил иметь армию демократизированную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом, я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях, я принять предлагаемую мне должность не могу»⁹⁶.

Костяк частей Штаба крымских войск составили 1-й и 2-й крымско-татарские полки (эскадронцы) и 1-й крымско-татарский полк свободы («Уриет»). Были здесь и русские офицеры и даже французы, включая летчиков под командой полковника Монтеро.

Несмотря на пессимистические свидетельства Врангеля, Крымский штаб представлял по тому времени сравнительно боеспособные части, что прошли Первую мировую войну, насчитывавшие от 2 до 5 тысяч человек.

Деятельность Совета оказалась, вопреки ожиданиям, вялой и бесцветной, никак не соответствующей переживаемому моменту. Он ограничился разработкой избирательного закона в связи с так и не созданным крымским учредительным собранием, финансовыми вопросами. Участники СНП, отражая интересы стоявших за ним политических и национальных кругов, тянули одеяло каждый на себя и занялись собственными проектами. Все это было только на руку большевикам, которые вместе с другими крайне левыми СНП не признали, немедленно окрестив его «Советом народных предателей».

12—14 ноября проходили выборы в Учредительное собрание. Степень политизированности и уровень надежд на Учредительное собрание в Таврической губернии будем считать средними: на участки явилось 54 % электората. Результаты выборов: из 555 851 (без Перекопского уезда и некоторых участков) ПСР получила 291 549 голосов, мусульмане – 64 880, украинские эсеры – 61 177, кадеты – 38 108, большевики – 31 154, русские немцы – 23 590, меньшевики – 14 693, евреи – 13 145, земельные собственники – 8022, народные социалисты – 4544, «Единство» – 2182, Поалей-Цион – 1712, бердянские крестьяне – 825⁹⁷.

Согласно подсчетам В. И. Королева, среди политических партий эсеры уверенно заняли первое место (67,9 % голосов, в том числе украинские эсеры – 10,7 %), второе – кадеты (6,8 %), третье – большевики (5,5 %), четвертое – меньшевики (3,3 %), пятое – народные социалисты (0,8 %). По национальным спискам: крымско-татарский (11,9 %), немецкий (4,8 %), еврейский (2,4 %). 77,5 % голосов получили социалистические партии. «...*Таврическая губерния (как и вся страна в целом) в роковом 1917 г. серьезно «заболела» социализмом и другого пути развития Российского государства не видела* (курсив наш. – *Авт.*)»⁹⁸.

Членами Учредительного собрания были избраны:

С. А. Никонов, В. Т. Бакута, И. П. Попов, Н. И. Алясов, Р. Н. Толстов, С. С. Зак, Д. Г. Головки (ПСР), В. Н. Салтан (украинский эсер), Дж. Сейдамет (крымские татары).

Флот дал эсерам 22 200 голосов, большевикам – 10 800, украинским эсерам и другим – 19 500. Членами Учредительного собрания избираются эсер И. И. Бунаков (Фондаминский) (принял активное участие в работе собрания) и большевичка Н. И. Островская.

5 января в Петрограде Учредительное собрание было разогнано большевиками. Сильной реакции в стране, включая Крым, это не вызвало.

7 ноября Центральная Рада приняла III Универсал, в котором провозглашалась Украинская Народная Республика (УНР), но – в составе демократической Российской Федерации, которую еще только предстояло создать. В состав УНР были включены три северных уезда Таврической губернии «без Крыма» (так губерния разрывалась на две части). Вместе с тем Рада выражала притязания на Черноморский флот.

В том же месяце Центральная Рада довела до сведения Мусисполкома, что Украина не имеет территориальных претензий к Крыму и поддерживает национальное движение крымских татар⁹⁹. Это усилило наметившееся с лета взаимопритяжение украинского и татарского национальных движений.

В данной связи весьма любопытным будет достаточно циничное мнение Дж. Сейдамета по поводу Центральной Рады и ее политики: «Без сомнения, – писал он в своих мемуарах, – даже украинцам, с которыми мы поддерживали более или менее дружественные связи, полностью доверять было бы глупо. Вполне возможно, что они стремились ослабить нас, воспользовавшись нашим противостоянием с русскими, так как и от них, естественно, можно было ожидать появления желания взять власть в Крыму в свои руки. А поэтому идею независимости Крыма мы оберегали как от русских, так и от украинцев, одновременно надеясь и рассчитывая на покровительство Турции»¹⁰⁰.

Что касается крымских большевиков, то они в 1917–1918 годах не выработали более-менее логичной и привлекательной линии в национальном вопросе. По словам Ю. П. Гавена, сказанным тринадцать лет спустя: «Надо прямо сказать, что в период советской власти в Крыму в 1917 году мы не сумели правильно поставить и разрешить национальный вопрос.

Наши организации до захвата власти в городах были очень слабы; революционная деятельность и их влияние ограничивались почти исключительно узкой сферой городского пролетариата и, главным образом, флота. Горную, т. е. татарскую деревню мы тогда почти совсем не знали. Работников, более или менее видных большевиков, выросших в крымских условиях, у нас не было, за исключением Островской, выросшей в Крыму. Руководителями революционного движения были товарищи, приехавшие из других районов России... Руководители крымской большевистской организации серьезно обратили внимание на национальный вопрос только тогда, когда татарский Курултай уже двинул против советов вооруженные эскадроны»¹⁰¹.

Выше уже говорилось, что на ноябрьском Общечерноморском съезде большевики выступили единым альянсом с украинскими эсерами, признав необходимость украинизации флота. Далее. На объединенном заседании Крымского революционного штаба с общественными организациями

15 ноября большевик Ж. А. Миллер «приветствует при рукоплесканиях украинцев и татар украинство, решившее национальный вопрос в духе революционного пролетариата, и призывает мусульман последовать этому примеру, объявив крымскую республику (курсив наш. – Авт.)»¹⁰². Правда, такие речи, мягко говоря, вряд ли соответствовали позиции, занятой II конференцией большевиков Таврической губернии, которая 24 ноября приняла резолюцию: «Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом... съезд (т. е. конференция. – Авт.) считает в силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об авто-

номии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма»¹⁰³. Идея референдума, однако, промелькнув, исчезла.

10 декабря в Севастополь были доставлены тела 18 матросов, павших в сражениях под Белгородом, через день возвратились остатки первого Черноморского революционного отряда, разгромленного на Дону. Вина за неудачи была возложена на лейтенанта А. М. Скаловского, одного из четырех офицеров, бывших в отряде. Под Тихорецкой он был расстрелян матросами «Похороны матросов были колоссальной демонстрацией: убитых уложили в открытые гробы, не обмытых, в крови, с зияющими ранами. Процессию сопровождали все матросы, весь гарнизон, все оркестры и громадная толпа простонародия, всего тысяч сорок. Вся эта масса обошла город, часто останавливаясь при произнесении самых кровожадных речей, направленных против офицеров и интеллигенции. Толпа ревела, требовала немедленного избиения офицеров...»¹⁰⁴. После похорон мичман эскадренного миноносца «Фидониси» Н. Скородинский, только в июле 1917 года окончивший училище и направленный на Черноморский флот, лояльно относившийся к новой власти и пользовавшийся авторитетом своей команды, позволил себе публично усомниться в деятельности председателя Севастопольского комитета большевиков Н. И. Островской, после чего был тут же смертельно ранен матросом и скончался, не приходя в сознание, на следующий день в госпитале (по другой версии, Н. Скородинский 12 декабря на «Фидониси» был смертельно ранен кочегаром Коваленко за то, что тот сделал ему замечание за нерадивую службу¹⁰⁵). Гроб мичмана сопровождали на кладбище «более тысячи морских и сухопутных офицеров, печальных и мрачных, с опущенными головами», они «медленно двигались за гробом, без музыки, без певчих и без почетной полуроты...»¹⁰⁶. Никакого сочувствия «улицы» похороны мичмана не вызвали. Напротив, они сопровождались зловещими сентенциями: «Собаке собачья смерть», «Скоро всем конец». Эти мрачные кладбищенские действия стали прелюдией кровавых событий.

Представители прибывшего из-под Белгорода матросского отряда на заседании Севастопольского совета 12 декабря заявляют, что отряд не признает его авторитета и распоряжений, требуя в 24 часа очистить помещение исполкома, угрожая в противном случае разогнать совет силой.

В этот же день на созванном большевиками митинге принимается резолюция о немедленном переизбрании совета. Матросы-украинцы эсминцев «Жаркий» и «Зоркий» на своем митинге заявляют о непризнании Центральной Рады и поддержке советской власти на Украине, провозглашенной 12 декабря в Харькове на I Всеукраинском съезде советов, и требуют отозвать своего представителя из Генеральной Морской Рады.

Фракция большевиков выходит из состава исполкома Севастопольского совета. Судовые команды выносят грозные резолюции: «Сметем всех явных и тайных контрреволюционеров, старающихся препятствовать на пути к завоеванию революции»; «Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия должны быть у них отобраны»¹⁰⁷. Масло в огонь подливали находившиеся в Севастополе кронштадцы.

Резня, каковую одни ждали с трепетом, другие накликивали, произошла 15–17 декабря. Внешним поводом послужили воспоминания о Морском суде 1905 и 1912 годов, где матросов, замешанных в восстаниях, приговаривали к расстрелу и каторге. Решено было убивать только участников этих судилищ. Однако террор обрушился на всех морских и некоторых сухопутных офицеров. Матросы миноносцев «Гаджибей» и «Фидониси» расстреляли своих офицеров на Малаховом кургане. По имеющимся сведениям, их было 32¹⁰⁸.

Аресты офицеров происходили не только в Севастополе. По требованию команды подводной лодки «Тюлень» выдан ордер на арест в Сулине (Румыния) капитана 2-го ранга П. С. Бачманова, в Симферополе – капитана 2-го ранга

В. Д. Брода. 21 декабря были арестованы в Новороссийске и доставлены в Севастополь начальник 7-го отряда транспортов Транспортной флотилии контр-адмирал М. Г. Львов, флаг-офицер того же отряда старший лейтенант Б. Н. Черный и командир временного военного Новороссийского порта капитан 1-го ранга П. В. Верховский, в Трапезунде (Турция) по подозрению в погроме арестован прапорщик Л. С. Волосевич и т. д.¹⁰⁹.

Тем временем СНК телеграфировал комиссару Черноморского флота В. В. Роменцу: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. (...) Переговоры вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещены»¹¹⁰. Очевидец свидетельствует: «В комнату совершенно явственно ворвались звуки частой ружейной стрельбы и крики. Мы бросились на балкон и совершенно определенно убедились, что стрельба идет во всех частях города... (...)»

Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов, которые особенно сгрудились правее входа. Там слышались непрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: «пощадите, братцы, голубчики»... кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы – словом, картина, освещенная вокзальными фонарями, была ужасна. (...)»

...Я увидел очередь, стоявшую у кассы, и стал в конец. Весь хвост был густо оцеплен матросами, стоявшими друг около друга, а около кассы какой-то матрос с деловым видом просматривал документы. Впереди меня стояло двое, очевидно, судя по пальто, хотя и без погон и пуговиц – морские офицеры.

Вдруг среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий, какой-то заячий крик, и человек в черном громадном прыжке очутился в коридоре и упал около нас. За ним неслось несколько матросов – миг и штыки воткнулись в спину лежащего, послышался хруст, какое-то звериное рычание матросов... Стало страшно...

Наконец я уже стал близко от кассы. Суровый матрос вертел в руках документы стоявшего через одного впереди меня.

– Берите его, – проговорил он, обращаясь к матросам.

– Ишь ты – втыкать думал...

– Берите и этого, – указал он на стоявшего впереди меня.

Человек десять матросов окружили их... На мгновение я увидел бледные, помертвевшие лица, еще момент, и в коридоре или на лестнице затрещали выстрелы... (...)»

Севастопольский Совет раб[очих]. деп[утатов]. умышленно бездействовал. Туда бежали люди, бежали известные революционеры, молили, просили, требовали помощи, прекращения убийств, одним словом Совета, но Совет безмолвствовал: им теперь фактически руководила некая Островская, вдохновительница убийств, да чувствовалась паника перед матросской волейницей.

И лишь на другой день, когда замученные офицеры были на дне Южной бухты, Совет выразил «порицание» убийцам...

Всего погибло 128 отличных офицеров»¹¹¹.

И это была только репетиция. Именно в те дни в Севастополе родилось выражение «Варфоломеевские ночи», вскоре «принятое» всем Крымом. Так в ночь на 16 декабря в Севастополе победила «советская» власть.

Вполне вписываясь в тот контекст, в который былаброшена Россия Февральской революцией и воследовавшими событиями, Мусисполком выдвигает 3–4 ноября лозунг «Крым для крымцев», причем как стратегический. Опубликованное им «Воззвание» гласило: «Крымско-Мусульманский Исполнительный Комитет как выразитель воли крымских татар, не желая

допустить в Крыму гегемонии какой-либо народности над другой. А также не допуская мысли о распространении власти какого-либо государства над Крымом, признает

«КРЫМ ДЛЯ КРЫМЦЕВ» и находит, что чрезвычайные обстоятельства повелевают народам Крыма взять на себя заботу об устройении судьбы своего Крыма и объединиться для общей дружной работы на благо всех народов, населяющих Крым.

Как и в какой форме может быть разрешена поставленная ныне перед Крымом эта задача, может разрешить только коллективное мнение и воля живущих в Крыму всех народностей».

3 ноября торжественно открылся Национальный татарский музей в Ханском дворце (Бахчисарай). Этот музей стал не только собственно национальной, религиозной святыней татар, но и, теперь, политической базой Мусисполкома-Курултая. В получившей широкую известность речи муфтия Ч. Челебиева на открытии музея проводилась та же идея единения всех крымчан для блага Крыма: «На Крымском полуострове имеются разных цветов и оттенков много прекрасных роз и цветов. Каждый из этих роз и цветов имеет особую свою красоту и свойственный ему приятный аромат. Задача Курултая собрать все эти дивные цветы в один букет. Татарский *Курултай имеет в виду не одних лишь татар* (курсив наш. – Авт.), его взоры обращены и к другим народностям, в течение веков живущим с татарами дружной братской жизнью. (...)»

Татарский народ признавал, признает и всегда будет признавать права каждой национальности. Татарский Курултай наравне с чаяниями и идеями татар будет чтить также идеи и чаяния живущих с ними в Крыму и других народностей. Курултай будет приглашать эти народности к совместной работе и усилиям для достижения общих для всех благ»¹¹².

Итак, программа действий «курултаевцев» обогащается в ноябре новыми штрихами. Появляется знаменитый лозунг «Крым для крымцев». Причем «крымцы», вопреки традиции, фигурируют здесь как все крымчане, независимо от национальности. Но это понятие повисает в воздухе, поскольку ни этнически, ни юридически не определено. Будем считать, что подразумеваются потомственные жители Крыма.

Рада дает словесные заверения того, что на территорию Крыма (видимо, и в случае достижения полной независимости Украины) она претендовать не будет. Право управления полуостровом предоставлялось Киевом крымским татарам. Однако в случае формирования аппарата этого управления из его компетенции исключались дела внешние и военные, остававшиеся в ведении федеральных органов. Что касается большевиков, то «курултаевцы» придерживались тактики муфтия Челебиева: не смешивать петроградских и крымских большевиков. Резко осудив октябрьский переворот, «курултаевцы» предпочитали в отношении местных большевиков придерживаться политики нейтралитета. Правда, политика эта дала трещину в декабре и ушла в небытие в январе.

26 ноября в зале Баб-и-Диван/Диван-и-Али (Зал суда) дворца-музея в Бахчисарае открылся Курултай, начавший работу как учредительное собрание крымско-татарского народа и продолживший ее как постоянно действующий орган – мусульманский парламент. Очевидец описывает: «Бахчисарай был разукрашен бесчисленными красными и голубыми флагами. На ханском дворце был вывешен национальный голубой флаг. В Бахчисарай прибыло более 10 тысяч татар и татарок из различных районов. По главной улице и при дворце охраняли порядок эскадроны, которые устроили парад депутатам (членам) Курултая»¹¹³. Делегаты прослушали богослужение и провели общую молитву в ханской мечети. Было решено, что «во дворце состоятся только первое и последнее заседания Курултая, чтобы избежать лишнего ущерба памятнику архитектуры. Над местом, предназначенным для Президиума курултая, были повешены три знамени: светло-голубое, зеленое и красное. Они последовательно символизировали нацию, религию и революцию. Под ними располагалась золотая тамга Гиреев – символ крымской независимости»¹¹⁴.

Создание Курултая объяснялось давностью традиций, политической зрелостью татар Крыма. При этом вспоминался Курултай 1206 года, провозгласивший Темучина великим ханом с титулом Чингисхан, указывалось на «государственную мудрость монголо-татар, которая красной нитью проходит через всю их историю»¹¹⁵.

Действительно, курултаи (курултаи) – своеобразные съезды правящего рода – были характерны для периода Чингисхана, «но с окончательным разделением империи монголов на самостоятельные во всех отношениях государства сведения о курилтаях встречаются все реже и реже и наконец совсем исчезают из источников. Необходимость в этом институте, носившем в значительной степени догосударственный военно-демократический характер, отпадает с появлением наследственной монархии. В Монголии, где были более сильные кочевнические традиции, курилтай собирались вплоть до воцарения Хубилая...», однако в имеющихся источниках нет конкретных сведений об их проведении в Золотой Орде¹¹⁶ и в Крымском ханстве (XV–XVIII века), в котором существовал *Диван* (перс.) – государственный совет, орган исполнительной власти, включавший высших должностных лиц, представителей мусульманского духовенства и т. д. В случае чрезвычайных событий собирался великий *кенгеш* – общий совет ханства, куда входили высшая знать, постоянное войско и проч.¹¹⁷ Знаменем национального движения (с тех пор и до наших дней) стало «голубое знамя Чингиса» (кок-байрак).

В выборах делегатов Курултая приняло участие более 70 % татарского населения Крыма (по закону о выборах, разработанному Мусисполкомом, они проводились как всеобщие, прямые, равные при тайном голосовании и возрастном цензе в 20 лет), избрано – 76 (из них четыре женщины): от Симферополя – 19, Ялты – 24, Феодосии – 16, Евпатории – 11, Перекопа – 6. Буржуазия и рабочие представляли среди делегатов ничтожное меньшинство, подавляющее же большинство составляла молодая интеллигенция – *джадиды*. Одним из главных действующих лиц Курултая стал Челебиев, выступивший с речью в день открытия.

«Сегодня возрождается наша политическая жизнь, которая была прервана полтора века тому назад, – заявил муфтий. – Собравшийся в зале Верховного суда Курултай восстанавливает уничтоженную русским абсолютизмом татарскую национальную государственность. Татарская нация сегодня заново рождается. Раны, нанесенные гнетом и тиранией русского деспотизма, и по сей день кровоточат в нашей общественной жизни. (...)

Татарский народ, признавая равенство всех людей, в то же время рядом со знаменами других наций поднял на Курултае свой собственный национальный флаг и будет отныне строить свою жизнь на основе собственной конституции по законам братства»¹¹⁸.

Курултай приветствовали: от православного населения Крыма, русских и греков – член городской управы Бахчисарая Хаджеватов; от иудеев – Амалинский; представитель Крымского конного полка; три члена Украинской Центральной Рады; персонально – Симон Петлюра; делегация матросов Черноморского флота; телеграммой – Украинский комитет в Севастополе¹¹⁹, а также латвийские организации, «было получено много приветствий и приветственных телеграмм от всех тюрко-татарских национальностей России».

В президиум Курултая были избраны Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттатов, изменивший свою позицию А. Х. Хильми, Заредин Эфенди, Шефика Гаспринская (дочь И. Гаспринского) и А. С.-А. Озенбашлы. «После этого в саду ханского дворца состоялся парад эскадронцев в честь депутатов под руководством офицера Парпетова Рустема. Во время парада духовой оркестр играл исторический тамерлановский «долу» (марш)»¹²⁰.

Курултай заседал, с перерывами, 18 дней. «Бурность и страстность иного заседания курултая доходили до того, что казалось: вот-вот разойдутся все по домам, оставив без определенного решения дальнейшую судьбу пославшего их в Курултай народа»¹²¹. Что неудивительно, ибо в национальном движении к этому времени выделяются три крыла: левое, включая секретаря Курултая А. А. Боданинского, а также С. И. Идрисова, С. М. Меметова и др.,

считавшее необходимым создание властного органа из трех элементов: татарского парламента, СНП и большевиков; центр, представленный, не без оговорок, прежде всего муфтием Ч. Челебиевым, порой готовым идти на компромиссы с большевиками; праворадикалы во главе с Дж. Сейдаметом, непримиримым противником большевизма, получившим среди левых прозвище «второго Наполеона».

Сам Дж. Сейдамет дает несколько иную классификацию: правые – 8–9 депутатов из среды традиционалистского духовенства, левые (социалисты) – 11–13, прочие, огромное большинство, – центр. «Центр Курултая, – пишет Сейдамет в своих мемуарах, – был глубоко национальным; он базировался на историческом прошлом крымских тюрок и их национальной трагедии. Этот центр был инициатором созыва самого Курултая. Его стремлением было по возможности скорейшим образом превратить Крым в народную республику и образовать национальный парламент. Противовес этому составляла левая группа Курултая, образованная из духовных наследников крымско-тюркской молодежи периода революции 1905 года; она находилась под сильным влиянием русской революционной партии и ставила на первый план дело защиты революции и решение социальных проблем. Левая группа, которая была против отделения Крыма от остальной революционной России, возлагала свои надежды на Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было конституционным путем создать федеративное демократическое государство; поэтому она занимала негативную позицию по вопросу о созыве Учредительного собрания в Крыму. Центр же был того мнения, что большевики не допустят созыва Всероссийского Учредительного собрания, и выдвигал требования созыва Учредительного собрания в Крыму, которое он считал нужным провести даже в случае созыва Всероссийского Учредительного собрания, чтобы осуществить право крымского населения на самоопределение. При этом стремления центра были связаны с *задачей отделения Крыма от России* (курсив наш. – Авт.). Наконец, центр считал необходимым действовать заодно со всем мусульманско-тюркским населением России и выполнить решения Первого Всероссийского мусульманского съезда о территориальной автономии. Это также противоречило позиции левого крыла. Однако по вопросу о социальных и общественных реформах центр и левое крыло были совершенно едины и согласны друг с другом, даже центр проявлял большую радикальность, чем левое крыло...»¹²²

В последний день работы, 13 декабря, Курултай провозгласил Крымскую Демократическую Республику, утвердил ее Конституцию (Крымско-татарские основные законы), избрал руководство Курултая (члены президиума – А. С. Айвазов, А. Х. Хильми, Дж. Аблаев, секретари – С. О. Таракчи и А. А. Боданинский) и, сорока голосами против двадцати, Совет директоров (Директорию) – Национальное правительство (председатель и директор юстиции – Ч. Челебиев; директор внешних (в отношении иных национальностей. – Авт.) и военных дел – Дж. Сейдамет, директор финансов и вакуфов – С.-Дж. Хаттатов; директор по делам религии – Амет Шукри; директор народного просвещения – Ибраим Озен-башлы), а также обратился к населению Крыма с «Объявлением Крымско-татарского национального правительства». Его основное содержание: «Крымско-татарское национальное правительство заботится о счастье и спасении не одного только татарского народа; оно считает священной своей обязанностью защиту личной, имущественной безопасности и чести всех своих крымских соотечественников и защиту высоких лозунгов великой революции. (...)

...Отныне, воодушевляемые высокими и святыми чувствами братства и гражданства, не останавливаясь ни перед какими жертвами, крымские татары совместно с революционной демократией будут стремиться к недопущению всеразрушающего действия анархии, уже надвигающейся и на Крым и не щадящей на своем пути ни памятников старины, ни памятников искусства, ни храмов науки и культуры.

Крымско-татарское национальное правительство категорически и неуклонно решило поддерживать порядок и спокойствие на полуострове; оно решило положить предел царящим

в крае голоду, финансовой разрухе, всевозможным захватам и уже показывающей свою голову анархии».

Парламент уполномочил правительство, которое с 14 декабря обосновалось в Симферополе, созвать Всекрымское Учредительное собрание в феврале 1918 года. Разгоревшаяся гражданская война не позволила это сделать ни в феврале, ни когда бы то ни было.

Дж. Сейдамет особо остановился на задачах Штаба крымских войск (куда, кстати, еще от Мусисполкома вошли И. Озенбашлы, А. А. Боданинский, А. Тулеев). Они ему казались так: «Штаб крымских войск, являясь высшим краевым военным органом, ставит своей ближайшей задачей: путем организации военной силы края – организации национальных частей народов Крыма – установить правопорядок в крае, обеспечить спокойствие населения и довести его до Крымского Учредительного собрания»¹²³.

Утвержденная Курултаем конституция – Крымско-татарские основные законы – декретировала создание Крымской Демократической Республики, загнав, однако, это провозглашение в самый конец текста и сделав его как бы между прочим (статья 16). Здесь мы сталкиваемся с малопонятным противоречием. С одной стороны, конституция фактически декретировала создание нового государства. С другой, статья 12 заявляла, что «форма правления Крымом может быть определена Крымским Учредительным собранием». Последнее упоминалось также в статьях 13 и 14. Это подметили современники, но вразумительного разъяснения Курултай так и не дал. Об автономии в составе Российской федерации конституция не упоминала.

В статье 1 говорилось, что Курултай признает «за всеми народностями право на полное самоопределение», и в статье 15: «судьба того или иного края может быть решена только голосом самого народа, населяющего этот край, но ни в коем случае не дипломатами». Статья 2 постановила учредить постоянный парламент (Меджлис-и-Мебусан – Собрание депутатов), избираемый всем татарским населением на основе свободных, равных и прямых выборов при тайном голосовании. Статья 17 отменяла титулы и сословные звания, а 18-я узаконивала равенство мужчины и женщины¹²⁴.

При всей неполноте и противоречиях конституция, выработанная Курултаем, носила определенно демократический характер. Другой вопрос – что было подпочвой конституции? Результат движения по инерции – замах на государственность с этнической доминантой и благостными обещаниями-перспективами. Как откровенно заявил в интервью константинопольской газете «Ихдам» А. С. Айвазов в следующем году: «Наша... цель была, принимая все меры, утвердить самостоятельность Крыма и, таким образом, *дать коренному населению господствующее положение* (курсив наш. – Авт.)»¹²⁵. Такие фигуры, как Сейдамет, Айвазов, да и сам Челебиев, видели в

Основных законах одну из «станций» на пути к татарской этнократии в Крыму.

Позднее, в эмиграции, Дж. Сейдамет оценит курултаевскую конституцию следующим образом: «...При изучении конституции крымских тюрок можно заметить, что в ней преобладает идея тюркской государственности, а не идея французской независимости или русского размаха. В нашей конституции идея истинной демократии (что следует понимать под «истинной демократией»? – Авт.) прослеживается гораздо больше, чем идея социальной революции и свободы. В этом историческом документе в довольно ясной форме проявилась способность всех тюрок к истинной государственности...»¹²⁶.

Этой подпочвы не заметили крымские демократы, благожелательно оценившие курултаевскую конституцию. На заседании Крымского комитета РСДРП (меньшевики) 19 декабря звучали такие речи: «Становиться в воинственную позу нам, с[оциал]-демократам не к лицу. Большинство народностей стремятся к децентрализации. Это все мелкобуржуазные по составу народности, и самое движение, конечно, не пролетарское, а мелкобуржуазное; но оно имеет здоровые корни... Татары стали на здоровую, общедемократическую точку зрения, *они не*

стремятся к п р е о б л а д а н и ю татарской народности (курсив наш; ср. с высказыванием Айвазова. – *Авт.*). Конечно, объявление автономного национального правительства, обнаруженное на днях, – политическая нелепость. Не нужно забывать, что татар всколыхнула анархия большевистская. Местный патриотизм толкает татар оберегать Крым от анархии – отсюда стремление захватить военную силу... Сейдаметов... настроен идеалистически, он искренний человек. Необходимо соглашение с татарами». И в постановлении: «Соглашение с татарской народностью необходимо, и если явится необходимость противодействия захватным стремлениям, то только идейные парламентские формы противодействия допустимы»¹²⁷.

Упоение фасадом при неумении заглянуть внутрь здания обнаружил и, казалось бы, такой опытный политик, как один из лидеров крымских кадетов, антагонистов национального движения, Д. С. Пасманик (впрочем, лучше говорить не о неумении, а о сознательном нежелании перед лицом грозной опасности – большевизма): «Как это случилось, что веками угнетенные татары дали чудный урок государственной мудрости русским гражданам, бывшим до революции единственными носителями русской государственности, это... вопрос, который заинтересует социологов и психологов. Но факт остается фактом.

И все нетатарские жители Крыма, которым дороги порядок и законность, равная для всех свобода и социальная справедливость, спокойное развитие экономических и духовных сил края, должны всеми силами поддержать стремление татар к государственному строительству. Поддерживая его, мы спасем Крым, а косвенно и всю Россию, от анархии и разложения. (...)

... Не задумывают ли татары отложение Крыма? Все официальные заявления (как можно политику безоговорочно верить словам других политиков? – *Авт.*) авторитетнейших представителей крымско-татарского населения, все его официальные документы и объявленные крымско-татарские основные законы свидетельствуют о том, что имеется в виду только одно: оздоровление Крыма на благо всего крымского населения. Мы должны отнестись с полным и нераздельным доверием к татарам. Мы должны помнить: теперь перед нами только задача борьбы с анархией.

Мы поэтому думаем, что все действительно государственные элементы крымского населения поддержат всеми своими материальными и духовными силами мусульманскую организацию, содействующую устройению Крыма: этого требуют жизненные интересы Крыма и России. Только созидательной работой можно бороться с разрушительной анархией и губительной демагогией»¹²⁸.

Итак, в зависимости от подхода к вопросу о власти в Крыму концентрируются три социальные группы. «... Земцы и остальные русские (и не только. – *Авт.*) общественные и политические деятели стояли на почве признания правительства Керенского»; татарская группа, которая придерживалась платформы: «*Об ушедшем правительстве Керенского не жалеем, установившуюся советскую власть не приветствуем, самостоятельности Крыма добиваемся*» (курсив наш. – *Авт.*)»; большевики¹²⁹. Соответственно, возникает сначала двое-, а затем и троевластие: СНП, Курултай – параллельные, парадоксально пересекавшиеся институты: члены Курултая входили в состав Совета – и леворадикальные Севастопольские совет и ревком. Приплюсуем продолжавшую действовать администрацию Временного правительства, прежде всего городские думы – реальную местную власть – и перед нами возникнет картина управленческого хаоса. 14 января 1918 года Севастопольский совет объявил о роспуске Совета народных представителей, из которого уже успели выйти социал-демократы во главе с П. И. Новицким.

Тем временем серьезные сдвиги происходят в политике соседней, чрезвычайно значимой в тот период для Крыма Украине. Действия Центральной Рады очень скоро начинают выходить за рамки двусмысленного III Универсала. В ноябре В. К. Винниченко в качестве гене-

рального комиссара Украинской Народной Республики по внутренним делам объявил телеграммой бывшие органы Временного правительства в губернии, в том числе и губкомиссариат, подчиненными украинскому правительству (Генеральному секретариату)¹³⁰, за чем последовали многочисленные циркуляры Киева аналогичного характера, которые, впрочем, в Крыму игнорировались. Однако особенно привлекал Раду Черноморский флот.

Еще в октябре по поручению Центральной Рады Д. В. Антонович вел переговоры с командованием Черноморского флота, и уже 24 октября, по согласованию с Украинским Генеральным комитетом Рады, при штабе флота официально аккредитован и поставлен на довольствие в качестве комиссара Центральной Рады капитан 2-го ранга Е. Н. Акимов. 1 ноября в Киеве учреждена Морская Генеральная Рада, а 16 ноября приказом командующего флота создана комиссия по передаче комиссару Центральной Рады крейсера «Память Меркурия».

Хотя Севастопольский совет, сглаживая страсти, признал украинизацию флота на заседании 14 ноября, тогда же была вынесена симптоматичная резолюция: «Вражда между нами (русскими и украинцами. – *Авт.*) растет и грозит залить нас потоками братской крови... Наша дружба свята, вечно нерушима, мы братья по духу и крови». Подобные призывы, однако, тонули во взаимном недоверии.

Решение Рады о присоединении северных уездов Таврической губернии вызвало в Крыму всеобщее возмущение (исключая татар и большевиков). Кадеты, эсеры, меньшевики, еврейские партии, даже большинство делегатов от Северной Таврии на губернском съезде 20–23 ноября, протестуя против односторонней акции, ставили закономерный вопрос: а как же быть с волей народа, с правом на самоопределение, которым воспользовалась сама Рада, провозгласив независимость Украины? На упоминавшемся заседании 15 ноября эсер А. В. Либеров рассуждал: «...Вопрос об отношении к украинской республике нужно было направить... к тем жителям северных уездов Таврии, которые в один день оказались «аннексированными» украинской республикой. Между тем, днепровский уездный съезд крестьянских депутатов отрицательно отнесся к центральной раде, мелитопольский – отказался обсудить этот вопрос, и только одна из 29 волостей мелитопольского уезда (Покровская) высказалась за признание центральной рады... Кто же имел право решить вопрос помимо самого населения?»¹³¹

В статье «Украинская Республика и Учредительное Собрание» член СЕРП И. Б. Яхинсон писал: «Положим, что каждая часть России может *самостоятельно*, не спрося других частей, соседних с ней, самоопределиваться, т. е. установить свои географические, этнографические или исторические границы... Допустим. Но ведь это самоопределение должно быть актом *народной воли*, а не большей или меньшей, пусть и организованной, но все же *группы*, какой является малая рада. (...) Универсал об украинской республике, провозглашенный без ведома национальных меньшинств Украины, не может не вызвать среди них недовольства. (...) И ведь еще только начнутся разногласия по вопросу о границах Украины в тех губерниях, где украинцы не составляют абсолютного большинства. И кто будет разрешать эти споры о 3-х северных уездах Таврической губернии... и т. д.»¹³².

Губернский съезд советов в середине ноября высказался за проведение в северных уездах референдума по вопросу о присоединении к Украине¹³³. Время, однако, никак не благоприятствовало референдумам.

Наметившийся было союз большевиков и украинских эсеров был перечеркнут ультиматумом Совета Народных Комиссаров Центральной Раде 4 декабря, которой предъявлялось требование признания большевистской власти, начавшейся войной на территории Украины и провозглашением 12 декабря Украинской Советской Республики. В этом конфликте СНП занял нейтральную позицию, исключая большинство «курултаевцев», склонявшихся к совместной с Радой вооруженной борьбе с большевиками.

В час ночи 16 декабря в Севастополе на заседании, созванном Черноморским Центрофлотом, создается чрезвычайный орган – временный Военно-революционный комитет, заявивший о роспуске Севастопольского совета. Днем на объединенном заседании представителей судовых и береговых частей, президиума исполкома совета рабочих и военных депутатов, ЦК ЧФ, представителей социалистических партий и штаба революционного отряда избран Военно-революционный комитет третьего, большевистско-левоэсеровского призыва: 18 плюс 2. Его возглавил Ю. П. Гавен, заявивший, что он берет всю полноту власти в городе.

18 декабря был переизбран Севастопольский совет. Большевики получили 87 мест из 235, их союзники, левые эсеры, – 86, меньшевики и эсеры – 94, которые 1 января вышли из состава исполкома (по другим данным: 89 эсеров, 35 большевиков и им сочувствующих, 6 меньшевиков, 6 польских социалистов, 50 беспартийных. В исполком совета избрано 11 большевиков, 3 левых эсера и 5 беспартийных¹³⁴). Большинство из 50 беспартийных шли с большевиками. Председателем нового исполкома стал Н. А. Пожаров. Одновременные выборы в ЦК ЧФ тоже дали преимущество большевикам и левым эсерам.

3 января 1918 года «...Исполнительный комитет обращается ко всем Советам Крымского полуострова с предложением немедленно приступить к образованию Красной гвардии для защиты завоеваний революции от посягательства контрреволюционеров, под каким бы флагом они не выступали»¹³⁵.

Флот и город-крепость переходят в руки большевиков. По словам Ю. П. Гавена, «Севастополь стал Кронштадтом Юга». Это был третий (см. выше) и, как показало самое ближайшее будущее, сильнейший и активнейший центр власти в Крыму. А ревкомы (ВРК), подменяя собою советы, распространяются по всему Крыму. Наконец 12 января создается Военно-революционный штаб, куда делегировали своих представителей ЦК ЧФ, Севастопольский ВРК, исполком Севастопольского совета и главный заводской комитет. Штаб претендовал на ведущую роль в военных вопросах, но ввиду разнобоя мнений и позиций и отсутствия своего технического аппарата реально таковую осуществлять не мог.

Из конгломерата инстанций закономерно выдвинулся на первый план Черноморский Центрофлот, который более-менее реально и руководил боевыми действиями. Это был весьма оригинальный властный орган. Он «являл собой сочетание политического органа, построенного по образцу Советов (пленарные заседания, исполнительный комитет, действовавший в период между этими заседаниями, подотчетность Все-черноморским съездам) и одновременно органом руководства флотом (наличие собственного аппарата управления, включающего военно-морской или оперативный отдел). Кроме того, к услугам Центрофлота всегда был штаб флота и все его технические средства связи»¹³⁶.

Большевики пытались ввести разбушевавшийся поток ненависти и насилия хоть в какие-то рамки. Севастопольский ВРК постановил: обыски и аресты могут производиться только по ордерам, им выданным, а все задержанные будут находиться в его ведении; дела разбираются следственными комиссиями и решаются на открытых заседаниях ревтрибунала; самочинные отряды подчиняются распоряжениям ревкома, не желающие подчиняться – разоружаются; на всех судах и во всех воинских частях избираются корабельные и ротные комиссары. Матросам воспрещалось сходить на берег без ведома судовых комитетов. ВРК включил в свою компетенцию борьбу с контрреволюцией и контроль над командным составом флота, крепости, гарнизона, дальнейшее формирование Красной гвардии. Севастопольский комитет РСДРП(б) выпустил 17 декабря воззвание «Против самосудов!». В нем говорилось: «Гнев народный начинает выходить из своих берегов... Партия большевиков решительно и резко осуждает самочинные расправы... Товарищи матросы! Вы знаете, что не у большевиков искать контрреволюционерам пощады и защиты. Но пусть их виновность будет доказана народным гласным судом... и тогда голос народа станет законом для всех»¹³⁷.

Тем не менее, в ночь с 19 на 20 декабря было убито еще 7 человек. Среди них – о. Афанасий (М. К. Чефранов¹³⁸), с 1908 года – священник линкора «Георгий Победоносец».

В третьей декаде декабря 1917 года вновь обострился вопрос об украинизации флота: на линкоре «Воля» был поднят украинский флаг, но в знак протеста против этого матросы – 300 русских и 400 украинцев – пригрозили покинуть корабль, команда которого состояла из 1220 человек. 23 декабря на заседании ЦК ЧФ решили созвать по данному поводу судовые и береговые комитеты. На следующий день собрание комитетов решает спустить с «Воли» украинский флаг и поднять красный.

Вскоре Центральная Рада через штаб Одесского военного округа объявила демобилизацию всех неукраинских войсковых частей на Украине и немусульманских в Крыму.

Декабрь приносит первые факты столкновений между татарами и русскими в деревнях. В городах же вызывающе ведут себя татарские эскадронцы, начинающие представлять элементную житейскую опасность для обывателя. Первое вооруженное столкновение между матросами и татарскими частями происходит в Александровске (Запорожье). Здесь 22 декабря развернулись бои между вторым маршевым эскадром крымского резервного кавалерийского полка и отрядом матросов, которые пытались захватить город.

Ранее, 17 декабря, части Крымского штаба принесли присягу Национальному правительству. Церемония состоялась в Симферополе. Среди прочих крымско-татарских лидеров присутствовали Дж. Сейдамет и А. С. Айвазов. Сейдамет обратился к присутствующим с примечательной речью: «Впервые воины Крыма дают торжественный обет верности собственному народу, собственной родине и собственной Конституции.

Все прежние присяги вплоть до сегодняшнего дня приносились чужим властям, ибо Крым после потери им независимости должен был служить русскому царскому правительству, приносить ему присягу и нести жертвы, нужные тиранам и империалистам. Впервые клянемся мы сегодня служить мусульманскому Крыму, собственному народу и защищать свою отчизну, клянемся в верности ее Конституции и в готовности пожертвовать собой во имя собственной нации. (...) В то время как Россия горит в огне анархии, крымские мусульмане сохраняют в Крыму покой и порядок и не забывают о своих обязанностях перед населением. (...) Татарский народ уже спасен, и он никогда не отдаст то, чего он достиг. (...) Какие бы изменения ни произошли в России, Крым и крымские мусульмане никогда не отступят с избранного и определенного их волей пути. Пусть услышит об этом весь Крым, вся Россия и даже весь мир. (...) Крымские татары не эгоистичны. Наши славные предки, не задумываясь, жертвовали собой в битвах за счастье других. Так и сегодня крымские татары будут стоять на страже безопасности не только собственного счастья и собственных интересов. Они защищают все население Крыма. Они думают о колыбели тюрко-татарского мира, о великом Туркестане, о Поволжье и мечтают принести и туда новую жизнь и воодушевление. (...) Никому не удастся перечеркнуть путь, предначертанный нашему народу его Конституцией. Пусть будет отсечена рука, которая на это поднимется»¹³⁹.

20 декабря Национальное правительство обратилось к войскам Крымского штаба с воззванием «К оружию!»¹⁴⁰.

Что же представляли из себя силы противников в декабре 1917 – январе 1918 года?

Крымский штаб. Кавалерийская бригада из двух полков, батарея из 4-х орудий (с запасом в 20 снарядов), мусульманский батальон, реорганизованный в полк пехоты. Последний стоял в Симферополе, включал четыре роты – около 700 солдат, а также, в качестве добровольцев, учащих татарской гимназии. Здесь же располагалась воинская часть из 2 тысяч (весьма условная цифра) русских офицеров. Однако после очередного конфликта «курултаевцев» с русской общественностью в начале января офицеры большей частью предпочли остаться в стороне.

Курултай мог располагать 6 тысячами «национальных» штыков и сабель. На местах имелись вооруженные отряды национальной милиции.

Севастопольский ВРК. Большая часть военных судов ЧФ с экипажами, крепостная артиллерия Севастополя, направленные в пехотную службу матросы и сама пехота, рабочие отряды – Красная гвардия. Превосходство над противником – в 7–8 раз.

Попытки «курултаевцев» найти союзников среди единомышленников оказались практически безрезультатными, что продемонстрировало уже отношение последних к Курултаю. Так, во второй половине декабря 1917 года через турецкого посла в Москве Галиба Кемаля Бея Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет передают одному из руководителей Турции Талаат Мехмед-паше меморандум, в котором информируют турецкое правительство о национальном движении крымских татар, связях с Украиной и предлагают Турции свою помощь. Однако Талаат Мехмед-паша, не имея адекватного представления о ситуации в Крыму, крымско-татарский фактор, в том числе и на переговорах в Брест-Литовске, не использовал. Только спустя три месяца он с горечью признал свою ошибку, которая заключалась в том, что он считал крымско-татарское движение не более чем «маленькой группой воодушевленных молодых татарских идеалистов»¹⁴¹.

Крымский штаб издает один за другим приказы: об отправке частей в приморские города (что вызвало кровавое столкновение эскадронцев с рабочими на симферопольском вокзале), о разоружении Евпаторийского гарнизона (что резко усилило напряженность и в этом городе, и в Севастополе) и солдат некрымчан, отправляемых домой; о всеобщей мобилизации (которая никак не могла быть «всеобщей» из-за установки на национальный состав воинских частей). 26 декабря напряженность между Крымским штабом и Севастопольским ВРК усилилась еще более. ВРК потребовал разоружить служивших в штабе русских офицеров, на что глава правительства Ч. Челебиев ответил категорическим отказом.

Штаб, в лице полковника Е. И. Достовалова, разрабатывает план захвата Севастопольской крепости. П. Н. Врангель вспоминает: «Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствующими на совещании (видимо, 6 или 7 января 1918 года. – *Авт.*) военными лицами, в том числе и мною и начальником штаба Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее «военный министр» (Дж. Сейдамет. – *Авт.*), выслушав присутствующих, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым, и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для проведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение»¹⁴².

План, как и предполагал Врангель, оказался нереальным. Но в знак протеста против этих замыслов из СНП вышли меньшевики. Эсеры, напротив, намерения одобрили. Кстати, на своем партийном съезде 5–6 января они высказались за вооруженную борьбу с большевиками.

Итак, примерно с середины декабря волна насилия разливается по городам Крыма. Только две партии не принимают участия в этой вакханалии. Это народные социалисты, партия ненасильственных действий, и меньшевики. Все остальные политические круги, в первую очередь большевики, левые эсеры и анархисты, а также доминирующая часть «татарской партии» и эсеры стояли за вооруженные действия.

В Крыму запылала гражданская война.

Глава III

Большевики захватывают власть

Для большевистских идеологов Крым являлся одной из пешек на магистральном пути к мировой революции, поэтому они оставались чуждыми крымско-татарскому населению. Так, одним из алгоритмов январских событий в Крыму стала, по словам советского исследователя и «еретического» большевика В. А. Елагина, «уродливая большевистско-татарская борьба», на время посеявшая отчуждение между советами (в какой-то степени, русским населением Крыма) – и татарами. «...Советская власть в Крыму с момента возникновения ее до момента гибели под натиском немцев, оставалась русской, говорила на чуждом для татар языке. Крымские большевики в 1918 году не смогли разрешить национального вопроса»¹⁴³.

Ю. П. Гавен спустя годы после событий, положивших начало гражданской войне в Крыму, обобщал: «...Главной ее (советской власти. – *Авт.*) опорой явились не столько крымский пролетариат, который постоянно колебался, сколько моряки Черноморского флота, вынесшие на своих плечах всю тяжесть вооруженной борьбы с контрреволюцией»¹⁴⁴. Именно Черноморский флот – по сути, внешняя для Крыма сила – расставил точки над «i». 27 декабря управлением им по решению I Всероссийского съезда военного флота взял в свои руки Центральный комитет Черноморского флота. С 1 января 1918 года на основании декрета Совета народных комиссаров по флоту было объявлено об отмене звания офицера, ношении орденов, крестов и прочих знаков отличия.

Черноморский флот действовал по шаблону, но в высшей степени результативно. «... В Феодосию прибыл эсmineц «Фидониси», в Керчь – сетевой заградитель «Аю-Даг» и тральщики, в Ялту – эсминцы «Гаджибей» и «Керчь», в Алушту – эсmineц «Капитан Сакен», в Евпаторию – гидрокрейсер «Румыния», транспорт «Трувор», буксиры «Геркулес» и «Данай»»¹⁴⁵.

«Из Севастополя – этого сердца крымского большевизма, злокачественная кровь его потекла вначале главным образом в четырех направлениях: на Юг – в Ялту, на Север – в Симферополь, на Запад – в Евпаторию и на Восток – в Феодосию»¹⁴⁶.

Начнем с центра – с Симферополя. Здесь была резиденция СНП, располагался Крымский штаб, непрерывно заседал Курултай. Левое его крыло, считая (в лице А. А. Боданинского) Крымский штаб средоточием контрреволюции, склонялось к соглашению с большевиками. Однако оно являлось крайне немногочисленным. Группа Дж. Сейдамета была на словах верна решениям ноября 1917-го и пока отрицала конструирование сугубо татарского органа крымской власти. Левых, однако, поддержал муфтий и председатель Директории (национального правительства) Ч. Челебиев. Появился проект организации крымской власти из татарского парламента, СНП и большевиков. Однако душевное состояние Челебиева в этой напряженной ситуации оставляло желать, видимо, много лучшего. 3 января 1918 года по распоряжению Челебиева был захвачен бывший губернский, а теперь так называемый Народный дом в Симферополе, в котором располагались руководство некоторых профсоюзов, общественных рабочих организаций. По мнению же Челебиева, Народный дом должен был стать резиденцией Национального правительства.

Данная акция вызвала крайнее возмущение. Совет профсоюзов и исполком Симферопольского совета в ультимативной форме потребовали немедленно освободить Народный дом, угрожая в противном случае всеобщей забастовкой. А Крымский штаб, не ожидая подобной реакции и пребывая в растерянности, свалил всю вину на Челебиева. На чрезвычайном заседании Курултая по факту захвата Челебиев, оправдываясь, квалифицировал отказ городской управы передать крымским татарам Народный дом как оскорбление их национального досто-

инства. Забыв о своих недавних призывах сделать Крым этакой второй многонациональной Швейцарией, Челебиев, пожалуй, первым из крымско-татарских лидеров открыто высказался за передачу всей полноты власти в Крыму Курултаю. Однако соратники муфтия на эту авантюру не пошли. Они отбросили предложения Челебиева как «ведущие к разрыву с краевой властью и другими народами Крыма»¹⁴⁷. Срочно прибывший с Южного берега Сейдамет настоял на том, чтобы эскадронцы покинули Народный дом, и дезавуировал Челебиева. 4 января тот подал в отставку. Пост председателя Совета директоров занял Сейдамет.

Большевик И. К. Фирдевс (Керимджанов) зримо рисует метания Челебиева тех дней. «Я застал его (Челебиева, посетив его дом. – *Авт.*) в полном состоянии медитации, отсутствия... воли... Я убедился, сказал он, что большевики и движения за Советскую власть представляют такую силу, которую никаким оружием нельзя усмирить». Он втолковывал Фирдевсу: «Вы, большевики, – не власть, вы просто осуществляете требования масс»¹⁴⁸. Приведенные заметки Фиржевса датируются 4 апреля 1926 года, когда он, как личный недруг И. В. Сталина, уже пребывал в опале, и нам нет основания им не доверять. Тем более, что эти воспоминания подтверждаются другими источниками.

8–10 января муфтий бросается из одного угла в другой, противоположный. То он заявляет, что с целью прекращения кровопролития нужно пойти на компромисс: создание органа власти, включающего по 10 представителей от СНП, большевиков и татар. В союзе с большевиками «нет ничего противоестественного», – старается Челебиев убедить аудиторию, а потом вдруг настаивает: «Если же эта идея не может быть осуществлена, то власть в крае по праву принадлежит татарам, тем более, что, кроме единственной реальной силы, которую в данную минуту представляют татары, никакой другой силы в крае нет»¹⁴⁹ (желаемое за действительное. – *Авт.*).

Тем временем идут переговоры, на которых Курултай представляли близкий к большевикам С. И. Идрисов, а также У. А. Боданинский и М. Д. Енилеев, а противоположную сторону – И. К. Фирдевс и Ж. А. Миллер. Суть большевистских предложений: неприкосновенность Курултая, сохранение татарских воинских подразделений, известная национальная автономия, пропорциональное представительство татар на съезде советов – в обмен на: лояльный нейтралитет в отношении советской власти, отказ от сотрудничества с контрреволюцией и борьба с ней, выборность командного состава. Возможно, Курултай и согласился бы большинством голосов на такой вариант, учитывая бесхребетность «болота», если бы не полная неуступчивость его правого крыла, а также правозэсеровской фракции в СНП. Предельно жесткую линию отстаивали Дж. Сейдамет, А. С. Айвазов и их сторонники. 43 голосами против 12 Курултай принимает решение об организации краевой власти по соглашению с СНП без большевиков¹⁵⁰. Тем самым и тот и другие органы подписали себе смертный приговор. Распоряжениями Севастопольского ревкома СНП был распущен 14-го, Курултай – 16–17 января. Никакие переговоры, по нашему мнению, уже не могли переломить ход событий. Железная логика гражданской войны вступила в свои права. Слово взял «товарищ Маузер».

Вооруженные столкновения в Евпатории начались еще в 20-х числах декабря, когда Крымский штаб сделал попытку разоружить евпаторийский гарнизон. СНП, желая решить дело мирно, вынес резолюцию о прекращении вывоза оружия из Евпатории, что никакого впечатления на Крымский штаб, проводивший уже собственную политику, не произвело. Евпаторийский комитет большевиков обратился за помощью к севастопольцам с просьбой изъять оружие у Крымского штаба и вернуть обратно, а заодно и убрать с должности начальника гарнизона полковника А. Н. Выгрена.

26 декабря Севастопольский ревком послал телеграмму Национальному правительству, требуя прекратить разоружение, возврата оружия солдатам и создания русско-татарского трибунала для выявления виновных в насилиях. Последовала отповедь Дж. Сейдамета, заявив-

шего, что никакого разоружения не было, а была обычная перевозка оружия из одного склада в другой, что Севастопольский ВРК провоцирует гражданскую войну и что Крымский штаб даст отпор провокаторам.

Офицеров в Евпатории было человек 150, сведенных в дружину¹⁵¹. Вряд ли можно назвать ее контрреволюционной организацией, скорее, это была, на тот момент, организация самозащиты. Ведущую роль в ней играл штабс-капитан Новицкий, как и Выгран, вернувшийся с фронта, лицо частное.

Большой шум вызвало зверское убийство (живым закопан в песок) 13 января 1918 года председателя Евпаторийского совета большевика Д. Л. Караева. Было расстреляно и несколько арестованных красногвардейцев.

14 января к Евпатории подошли два военных корабля Черноморского флота – гидрокрейсер «Румыния» и транспорт «Трувор». На следующий день утром город был подвержен обстрелу орудий «Румынии», затем на берег высадился десант из Севастополя (до 1500 матросов и рабочих севастопольского порта). Впрочем, обстановку в городе уже в значительной степени контролировали местные большевики. 16-го был сформирован ВРК. Матросы арестовали Новицкого, многих офицеров, у станции Сарабуз (ныне Остряково) был взят в плен Выгран. Начались обыски и аресты. Арестовывали не только офицеров, но представителей имущих классов и тех, на кого указывали как на контрреволюционеров.

Евпаторийский рейд стал местом жестоких казней, совершавшихся по март включительно. В. А. Елагин вспоминал, что против диких крайностей террора пытались протестовать Ю. П. Гавен и Н. А. Пожаров (а также сам Елагин, Фирдевс). Однако, по инициативе Ж. А. Миллера, евпаторийских работников – председателя ревкома и комитета РСДРП(б) Н. М. Демышева, его помощника, левого эсера Кебабьянца (так у В. Елагина; согласно архивным источникам – Х. Г. Кебабчианца), а также получивших печальную известность С. П. и А. П. Немичей, плюс моряков и городских маргиналов – город погружается в волны повальных арестов и расправ¹⁵². «...Все арестованные офицеры (всего 46 чел[овек].) со связанными руками были выстроены на борту транспорта, и один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись.

Среди офицеров был мой (Кришевского. – *Авт.*) товарищ, полковник Сеславин (по другим данным, Константин Павлович Сеславин – подполковник. – *Авт.*), семья которого тоже стояла на берегу и молила матросов о пощаде. Его пощадили – когда он, будучи сброшен в воду не пошел сразу ко дну и взмолился, чтобы его прикончили, один из матросов выстрелил ему в голову...»¹⁵³.

С июня 1918 года, при правительстве М. А. Сулькевича, Симферопольский окружной суд проводил многомесечное дознание, в ходе которого было установлено, в частности, что некий рыбак Павка с сообщниками-матросами устроил кровавую вакханалию на борту транспорта «Трувор» в ночь с 15 на 16 января. Свидетель показывал: «Ночью производились казни, и когда всех приговоренных выводили на палубу, то сперва связывали веревками руки и ноги, привязывали к ногам тяжести, а затем, перед тем, как убивать, какой-то человек в солдатской куртке, в рыбацких сапогах... («севастопольский рыбак Павка», не идентифицированный и не обнаруженный. – *Авт.*) кинжалом у жертвы отрезал нос, уши и половой член. Затем жертву пристреливали и бросали в воду»¹⁵⁴.

Историк С. П. Мельгунов со ссылкой на слова очевидца сообщает о происходящем на «Труворе»: «Перед казнью, по распоряжению судебной комиссии, к открытому люку подходили матросы и по фамилии вызывали на палубу жертву. Вызванного под конвоем проводили через всю палубу мимо целого ряда вооруженных красноармейцев (правильно: красногвардейцев. – *Авт.*) и вели на так называемое «лобное место» (место казни). Тут жертву окружали со

всех сторон вооруженные матросы, снимали с жертвы верхнее платье, связывали веревками руки и ноги и в одном нижнем белье укладывали на палубу, а затем отрезали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде жертву бросали в воду. После этого палубу смывали водой и таким образом удаляли следы крови. Казни продолжались целую ночь, и на каждую казнь уходило 15–20 минут. Во время казни с палубы в трюм доносились неистовые крики, и для того, чтобы их заглушить, транспорт «Трувор» пускал в ход машины и как бы уходил от берегов Евпатории в море»¹⁵⁵.

Находка тела Караева с многочисленными ранами настолько накалила страсти, что 16 января толпа едва не растерзала всех заключенных в местной тюрьме. Затем начались зверские убийства: не только на кораблях, но и на улицах, за городом. «...Двух офицеров сварили в котле машинного отделения, а одного офицера (по данной версии – Новицкого. – *Авт.*) сожгли, заставив при этом другого, его товарища, смотреть на горящий живой факел, и от этого страшного, мучительного зрелища он сошел с ума.

Вообще большевизм здесь вылился в форму не только классовой, но и *личной мести* (курсив наш. – *Авт.*).

– Вот этот обижал, убить его!

– Вон тот плохо принимал, долой его!

– А этот строго взыскивал городские сборы, расстрелять, на мушку его!»¹⁵⁶

Выгрana расстреляли на палубе гидрокрейсера «Румыния».

По данным С. П. Мельгунова, опиравшемся на материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, возможно завышенным, за три дня 15, 16 и 17 января на транспорте «Трувор» и на гидрокрейсере «Румыния» было убито и утоплено не менее 300 человек. Матрос Куликов говорил на одном из митингов, что он «собственноручно бросил в море за борт 60 человек»¹⁵⁷. В числе казненных подполковники Н. В. Цвилленев и Е. А. Ясинский, помещик П. П. Бендебер, граф Н. В. Татищев, штабс-ротмистр Ф. Ф. Савенков, штабс-капитаны П. И. Комарницкий и Н. Р. Лихошерстов, полковник А. В. Севримович, жена инженера Мамай (по первому мужу Крицкая), подпоручики А. В. Гук и К. В. Хмельницкий, а также многие другие. Когда пришедшие палачи отправились обратно, их дело продолжили палачи местные.

Согласно материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков (от 24 июня 1919 года), в ночь на 24 января из евпаторийской тюрьмы были вывезены на автомобилях и расстреляны 9 человек, среди которых граф Н. В. Клеймихель, гимназист Евгений Капшевич, офицеры Борис и Алексей Самко, Александр Бржозовский. В ночь на 1 марта из Евпатории исчезло 30–40 человек – в основном представителей зажиточных слоев и 7–8 офицеров. Их тайно вывезли за город и расстреляли на берегу моря. Хотя решение о расправе принималось местными властями, в похищении людей обвинили анархистов. Позже «при раскопке могилы и при осмотре трупов оказалось, что тела убитых были зарыты в песок, в одной общей яме глубиной в один аршин. За небольшим исключением, тела были в одном нижнем белье и без ботинок. На телах в разных местах обнаружены колото-резаные раны. Были тела с отрубленными головами (у татарина помещика Абиля Керим Капары), с отрубленными пальцами (у помещика и общественного деятеля Арона Марковича Сарача), с отрубленным запястьем (у нотариуса Ивана Алексеевича Коптева), с разбитым совершенно черепом и выбитыми зубами (у помещика и благотворителя Эдуарда Ивановича Брауна). Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шашками. Зачастую расстреливаемый оказывался только раненым и падал, теряя сознание, но их также сваливали в одну общую яму с убитыми и, несмотря на то, что они проявляли признаки жизни, засыпали землей. Был даже случай, когда при подтаскивании одного за ноги к общей яме он вскочил и побежал, но свалился заново сажень в двадцати, сраженный новой пулей».

25 июня 1918 года в 8 часов вечера на берег выбросило трупы казненных, производился их судебно-медицинский осмотр. Были зафиксированы случаи удушения, имелись тела с рваными ранами, с прострелянными черепами (у графа В. Н. Мамуны), с отрубленными руками (у бывшего сыщика Евпаторийской полиции Абдувелли Нурмагон Оглу), с оторванными головами (у вольноопределяющегося М. И. Мельцера)¹⁵⁸. После этого и было возбуждено уголовное дело. В ходе следствия выяснилось, что шофер Е. С. Синица пытался сфотографировать сцены, разыгрывавшиеся на борту «Трувора», но ему сделать это не позволили. Тем не менее, свидетелей облав, грабежей, убийств оказалось достаточно, и по делу о «массовых убийствах в г. Евпатория» было привлечено, в несколько этапов, 88 человек. Значительную их часть – преимущественно матросов и солдат – следствие в Крыму не обнаружило, некоторые же (С. П. Немич, А. П. Немич, И. П. Матвеева (Немич), Х. Г. Кебабчианц, Н. М. Демышев, организатор убийств 1–2 марта, и др.) были заключены в евпаторийскую тюрьму, где содержались первоначально в весьма неплохих условиях, включая качественную еду, собственные постели, встречи с посетителями и пр.¹⁵⁹ Ночью 14 марта 1919 года арестованных, уже из симферопольской тюрьмы, куда их перевели, погрузили в вагоны; в ночь на 18 марта на полустанке Ойсул (с. Астанино Ленинского района, железнодорожная ветка Владиславовка – Керчь) вагоны отцепили. Затем белые открыли по ним огонь из пулеметов, после чего добились раненых. Среди казненных: Н. М. Демышев, С. П. и А. П. Немич, И. П. Матвеева (Немич), В. П. Гребенникова (Немич), В. Г. Матвеев – все большевики; расстреляно 19 человек. (Были среди убитых и люди, к евпаторийским событиям совершенно не причастные, например Ф. В. Мурзак, участник восстания на броненосце «Потемкин»¹⁶⁰.) Акция проводилась в тайне, и демократическая общественность разразилась подозрениями и протестами.

Евпаторийская страница крымского террора оказалась, пожалуй, единственной, писавшейся открыто не только безымянными матросами и «рыбаками Павками», но и местной большевистско-левоэсеровской верхушкой.

Для большевиков всплеск террора не был неожиданностью. Мало того, они его давно обосновали теоретически. Отвергая (но порой применяя на практике) индивидуальный террор, оставив его эсерам и анархистам, большевики считали вполне оправданным, даже необходимым в период острого классового противоборства террор массовый. Еще в 1901 году В. И. Ульянов-Ленин писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это – одно из военных действий...»¹⁶¹. Не отказался Ленин от признания, при соответствующих условиях, террора и после окончания «военных действий» – гражданской войны.

Бывший член Севастопольского совета вспоминал год спустя: «...Когда на другой день после декабрьских ужасов в заседании совета военных и рабочих депутатов я спросил председателя (Н. А. Пожарова. – *Авт.*):

– Конец ли это?

Он сказал:

– Пока да, но вспышки еще будут»¹⁶².

И действительно, «вспышки» сопровождали весь январь, вылившись в трагедию 22–24 февраля.

Кто же был главным реализатором крымского террора? Квалифицированные рабочие держались в стороне, порой и противодействовали кровопролитию. Обычно пишут: матросы, но были и такие матросы, которые уберегли от гибели членов императорской фамилии, которые спасали офицеров. Другое дело – сам облик матросской среды успел основательно измениться за 1917 год. Внутри разложившегося, но технически боеспособного флота на иных кораблях складываются отношения, мало чем отличающиеся от типичных для уголовных шпак. Для Крыма с его особым жизненным укладом матросы, набранные по всей стране, лишенные корней, но сплоченные в касту, были чужды и страшны. Это остро ощущалось на

кораблях. Любой люмпен или откровенный бандит мог, нацепив матросскую форму, свободно предаваться бесчинствам.

Были среди большевистско-левоэсеровско-анархистского руководства и убежденные, если не фанатичные, сторонники террора, такие как Ж. А. Миллер, Н. М. Демьшев, Н. И. Островская, А. В. Мокроусов. Последний, уже после пролитой крови, на общем собрании советов Феодосии и уезда 12 марта цинично призывал «уничтожить всю буржуазию, не разбирая средств»¹⁶³.

Феодосия. Здесь шла своя жизнь. Все флаги в гости: «русские солдаты из Анатолии, армянские ударники с Кавказа, румынские большевики из Констанцы, остатки сербского легиона из Одессы. Не Феодосия, а Карфаген времен мятежа наемников...» (М. А. Волошин, 1 марта (16 февраля))¹⁶⁴. Город служил перевалочным пунктом для десятков тысяч солдат кавказских полков, возвращавшихся на родину и не признававших никаких властей. «Кавказцы» распродавали на местном базаре все, что имели, в том числе и турчанок. Турчанки шли от 200 до 2000 рублей и вовсю раскупались татарами. «В Феодосии солдаты расположились, как у себя дома, заняв роскошные дачи на берегу. Я помню, как из дивной дачи Стам-боли выносили изящную мебель красного дерева, тут же ломали и жгли на кострах, где варили себе еду в котелках. Они проходили, как саранча, все покупая и все продавая, шумно, пьяно и весело, но благодаря им – вооруженным до зубов и с артиллерией, в Феодосии было если и не спокойно, то все же – терпимо»¹⁶⁵.

Крымский штаб взял в Феодосии тот же курс, что и в Евпатории. Солдатам местного гарнизона было предложено разойтись по домам со сдачей оружия. Против увольнения солдаты не возражали, но только с оружием. 2 января прошел солдатский митинг, после чего были штурмом взяты склады и роздано оружие. Эскадронцы пытались противодействовать. М. А. Волошин в письме к А. М. Пешковскому 12 января: «...Кругом идет война между татарами и русскими»¹⁶⁶.

Крымский штаб, однако, послал в Феодосию из Джанкоя новые части эскадронцев. Тогда Феодосийский ревком, созданный 3 января, обратился за помощью в Севастополь. На феодосийский рейд прибыл эсминец «Фидониси». Матросским десантом командовал А. В. Мокроусов. Было расстреляно несколько десятков офицеров (по Н. Кришевскому – 63), и эскадронцы, убоявшись матросов, отступили, не начиная сражения, к Старому Крыму. Отряд моряков и солдат двинулся на север, «освобождать» Джанкой, по пути организуя сельские ревкомы.

В самом городе после одержанной победы происходит понятный сдвиг к радикализму. 26 января в Феодосии отряды Красной гвардии под руководством И. Ф. Федько и др. выступают против ревкома, обвиняя его в поддержке буржуазии и саботаже¹⁶⁷. Умеренный большевик врач С. В. Констансов смещен с поста председателя.

Керчь. На фоне свирепства матросов по всему Крыму город казался оазисом спокойствия и благополучия. В начале января большевики заняли крепость и 6-го числа сформировали ревком. Это мало что изменило: керченский большевизм, по словам Н. Кришевского, был «необычайным». Весь 1917 год город не ведал продовольственных затруднений, и только в январе керчанам пришлось перейти на черный хлеб и узнать, что такое очереди. Арестовали богатого помещика Глазунова, но, продержав пять дней в тюрьме, выпустили, оставив даже дорогое бриллиантовое кольцо. В городе спокойно проживал бывший министр финансов царского правительства П. Л. Барк – его никто не трогал. Пограничный отряд, в котором служил Н. Кришевский, не признал новую власть и, тем не менее, исправно получал деньги сначала от городской управы, затем – от совета: «на содержание части, не признающей большевиков и не входящей в Красную армию»¹⁶⁸. Изъятие у буржуазии «излишков» не получилось. Уже при Республике Тавриды объявили предприятия собственностью рабочих и приказчиков, но фаб-

рика Месаксуди выбрала владельца своим комиссаром, а фамилии приказчиков на вывесках заведений ровным счетом ничего не значили. Так что местные обыватели воистину жили «под счастливой звездой». Это являлось заслугой известного в Керчи большевика М. П. Кристи, впоследствии руководившим Третьяковской галереей и Московским товариществом художников и сумевшим уцелеть в сталинских мясорубках.

Так что Керчь оказалась *единственным* крупным крымским городом, избежавшим в 1918 году кошмаров террора.

Самосудов, благодаря четкой позиции и настойчивости местных большевиков Тененбойма (Тоненбаума) и Футермана, удалось не допустить и в Алупке. Правда, на этой почве возник конфликт алупкинцев и воинственно настроенной Ялтинской коммуны, по поводу чего «Таврическая Правда» заметила: не «“копанием могилы” надо углублять русскую революцию, а «идейной борьбой», каковой вывод должны сделать для себя «товарищи, стоящие у власти... и допустившие в своих районах самосуды и Варфоломеевские ночи, а потом реагировавшие на это заявлением, что они бессильны и не могут справиться со стихией разбушевавшихся масс»¹⁶⁹.

После падения Республики Тавриды пришедшее на время правительство М. А. Сулькевича предприняло расследование происходившего в Крыму в первые месяцы 1918 года. Параллельно работала следственная комиссия Курултая. События изучала также «Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков» при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (1919), вскрытыми фактами и заключениями которой широко пользовался при написании мемуаров А. И. Деникин.

Источники представляют нам следующую картину южнобережных коллизий и трагедий.

Листовки и воззвания, издающиеся в Севастополе, подогревают страсти. Вот одна из них (Севастопольский ВРК, 9 января): «Товарищи матросы, солдаты и рабочие, организуйтесь и вооружайтесь все до одного! В опасности Севастополь, весь Крым. Нам грозит военная диктатура татар! Татарский народ, как и всякий народ, нам не враг. Но враги народа рисуют события в Севастополе в таком виде, чтобы натравить на нас татарский народ. Они изображают севастопольских матросов разбойниками, угрожающими жизни и спокойствию всего Крыма (что вполне соответствовало, как мы видели, истине. – *Авт.*). Наэлектризованные злостной агитацией темные татары-эскадронцы ведут себя в Симферополе, в Ялте и в других городах как завоеватели. На улицах там нередко происходят избиения нагайками, как при царском режиме. Эскадронцы в Симферополе проезжают по тротуарам, тесня толпу лошадьми, как царские жандармы, подслушивают, оглядывают каждого прохожего (и это соответствовало истине. – *Авт.*). Худшими временами самодержавия грозит нам военная диктатура татар, вводимая с согласия Центральной Рады»¹⁷⁰.

Вот что происходило в Ялте на переломе 1917–1918 годов словами пристрастного очевидца. Не признаются ни центральная, ни краевая, ни местная власти. Подобие порядка пытаются поддерживать Крымский эскадрон. «Темные массы начали “леветь”» (любопытно: эскадронцы – «темные», массы – «темные». – *Авт.*). Растет большевистско-левоэсеровская опухоль. Многие из этих эсэров хорошо знакомы всей Ялте, как бывшие черносотенцы и члены «союза русского народа» и палаты архангела Михаила, которые готовы в любой момент поживиться чужим добром. Вся социология этих масс – очень простая: вырезать буржуев и поделить их имущество. Но сама по себе эта черносотенно-большевистская масса труслива. Все их надежды на севастопольских матросов, перед которыми, действительно, дрожат все мирные жители Ялты. В последнее время создан новый элемент недовольных: в Ялте появляются первые признаки безработицы». (...)

И вот на Рождество в Ялту прибыли матросы и просто желающие развлечься в матросской форме (гарантирующей безнаказанность. – *Авт.*). Пошли обыски, из тюрьмы выпустили

уголовных. «...Началась опасная агитация: “татары бьют русских”». В эскадронцев стреляли. (...)

«Пусть большевики, – заключает автор, – остаются тем, что они есть: зачинщиками братоубийства и гражданской войны. Но они не смеют углублять национальную рознь. Мусульманский эскадрон не против русских вообще, а лишь против захватчиков и сеятелей анархии, к какой бы национальности они не принадлежали.

Необходимо, чтобы все честные и сознательные граждане боролись всеми силами против злостной агитации, стремящейся к созданию национальной розни, которой не было в Крыму и быть не должно»¹⁷¹.

9—15 января курортная и лечебная Ялта становится ареной ожесточенных боев. «... Здесь, в мирной, спокойной Ялте, где преобладают приезжие, ищущие отдыха от всех мирских суев, – какой смысл имел «большевистский переворот»? (...) Это было просто ночное нападение вооруженной банды разбойников на мирно спавший город с целью грабежа (под громким именем «социализации»), продолжавшегося три месяца»¹⁷², – пишет, как он сам себя именовал – «литератор вне политики», подвергавшийся некогда репрессиям за участие в революции 1905 года.

В ночь на 9 января матросы прибывшего из Севастополя миноносца «Гаджибей» вступают в бой с эскадронцами. Корреспондент столичной газеты свидетельствует: 11 (на помощь «Гаджибею» подошли «Керчь» и «Дионисий». – *Авт.*) – 17 января город непрерывно обстреливался с моря. Было выпущено до 700 снарядов. «Пострадали лучшие гостиницы... много частных домов и магазинов. (...) Паника создалась невообразимая: застигнутые врасплох жители бежали в одном белье, спасаясь в подвалах, где происходили душераздирающие сцены...

На улицах форменная война: дерутся на штыках, валяются трупы, течет кровь. Начался разгром города». Ни большевики, ни эскадронцы не шли на перемирие. Ялта в конце концов была взята матросами. Оставшиеся в живых татары бежали в горы. «Начались аресты и расстрелы. Расстреляно множество офицеров. (...) Расстреляны также 2 сестры милосердия, перевязывавшие татар. Жертв насчитано около 200. (...)

Офицеры, побывавшие на войне, говорили, что ужасы Ялты – благодаря исключительному географическому положению ее и полной безопасности маленького города – превышают виденное и пережитое ими на фронте»¹⁷³.

Матросы и красногвардейцы могли лишить жизни и совершенно невиновных. «Некоторых они убивали на улицах, на глазах жителей, и тут же ограбляли трупы. На улице был убит прапорщик Петр Савченко, вышедший только что из обстреливаемого орудийным огнем санатория Александра III, где он находился на излечении; убил его матрос за то, что офицер не мог ответить, куда направлялись татарские эскадроны. Обворовав труп убитого, матрос приколол убитому погоны на грудь и стащил его затем на бойню»¹⁷⁴.

Часть эскадронцев осела в д. Никита (9 верст от Ялты). Отряд моряков, посланный в Никиту, был разбит, а Ялта – взята эскадронцами. Очередной обстрел заставил их все-таки отступить в горы. Оттуда делались вооруженные вылазки в город. Сдались эти отряды только после того, как в тыл им вышли красногвардейцы. По Н. Кришевскому, в Ялте было расстреляно 80 офицеров, и несколько отставных – в Алуште¹⁷⁵. «Ни для кого ведь не было секретом, что Ялта не только далека была от большевизма, но вообще тут всего можно было насчитать двух с половиной большевиков. (...) Процедура обращения и посвящения в большевизм (местных жителей. – *Авт.*) была несложной. Первые должны были вооружаться, стрелять и грабить, а вторые выдавать буржуев и офицеров»¹⁷⁶. «Подозрительных» вели разбираться. А разбирательство было коротким. Тут же, на ялтинском молу, убивали и бросали в море.

И сам автор – А. Набатов (Аполлон Борисович Водлингер), схваченный 14 января, пережил все ужасы, что только может пережить человек, которого ведут по знаменитой Набережной на мол – место казней. Его, как и некоторых других, спасло только появление в тот же день следственной комиссии.

Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков свидетельствуют: «Всего в первые два-три дня по занятии Ялты было умерщвлено до ста офицеров, не принимавших никакого участия в гражданской войне, проживавших в Ялте для укрепления своего здоровья или лечившихся в местных лазаретах и санаториях». Досталось и ялтинским обывателям. «Достаточно было крикнуть из толпы, что стреляют из такого-то дома, чтобы красногвардейцы и матросы немедленного открывали огонь по окнам указанного помещения. По такому окрику были убиты домовладелец Константинов и его дочь. Не удовлетворившись пролитой неповинною кровью, убийцы разграбили квартирное имущество Константиновых и часть мебели отвезли в дар своему комиссару Биркенгофу».

16 января власть в Ялте оказалась в руках совета, который сформировал ВРК.

Одновременно с арестами и расстрелами в городе проходили повальные обыски. Под видом поиска спрятанного оружия шел самый неприкрытый грабеж.

Татарское население, спасаясь от артобстрела, бросает деревни Дереккой и Ай-Василь (ныне входящие в территорию г. Ялты), уходя в Биюк-Озенбаш (теперь с. Счастливое Бахчисарайского района) и в горы. Их дома и имущество грабились аутскими греками¹⁷⁷ (Аутка – тогда село, сейчас – часть г. Ялта). Так на Крым обрушилось еще одно бедствие гражданской войны – межэтнические (под флером каковых зачастую скрывались бытовые, хозяйственные и т. п.) кровавые конфликты. Среди эскадронцев-татар усиливаются русо- и особенно грекофобские настроения и действия, среди матросов ЧФ, обывательских слоев населения, греческой диаспоры – антитатарские.

Очевидец и невольный участник ялтинских событий, едва не угодивший под расстрел, П. Н. Врангель вспоминал о тогдашнем состоянии матросов: кто-то, ворвавшись в дом, успокаивает барона: «...Мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами». «Мы только с татарами воюем», – сказал другой, «Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...». Мемуарист комментирует: «Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала»¹⁷⁸.

Согласно имеющимся свидетельствам, большевиков поддерживала часть греческого населения – молодежь, в основном из района Балаклавы и Южного берега, – среди которого было немало рыбаков, лодочников, ремесленников, чернорабочих – «листригонов», воспетых А. И. Куприным. Большевицкая риторика удачно наложилась на эту местную социально-этническую и социально-конфессиональную (греки: православные – татары: мусульмане) почву. К тому же в национальных устремлениях крымских татар греческое население Крыма видело угрозу своему положению, имуществу и жизни. Один из свидетелей ялтинской трагедии, татарин из Дерекоя, позже показывал на следствии: среди матросов и красногвардейцев, участвовавших в погромах, были «ялтинские, балаклавские «босяки», аутские, балаклавские греки, были и жители Дерекоя – русские»¹⁷⁹. А привлеченный к следствию грек П. К. Харламбо из Ялты объяснял беспорядки побуждениями, «проистекавшими из племенной вражды греков к татарам»¹⁸⁰.

Не фасадом ли являлись обвинения греков в большевизме? Или «эти обвинения лишь отражение старой национальной вражды между татарами и греками, возникшей на экономической почве (курсив наш. – Авт.)? – задавался вопросом очевидец событий В. А. Оболенский. – Во всяком случае, пролитая татарская кровь (в январе 1918 года, во время обстрела Южного

берега и высадки десантов с кораблей ЧФ. – *Авт.*) требовала отмищения, и через несколько дней настало время мести, мести национальной, самой страшной и бессмысленно жестокой»¹⁸¹.

Решающие события происходили в Севастополе и окрестностях. К началу января матросы Черноморского флота, среди которых добрую часть составляла, если можно так выразиться, матросская чернь, беспартийная, не желавшая никому подчиняться, – установили практически безраздельное господство в городе. В ходе боев 2–3 января эскадронцы, реквизировавшие в январе предназначенный городу скот и рискнув на ультиматум об экономической блокаде, были для начала отброшены от Севастополя.

Стычки и перестрелки становятся обыденным явлением. Одна из них переросла в бой у Камышловского моста 10–11 января. Целью Крымского штаба было захватить мост и отрезать Севастополь с севера. Силы были неравны: севастопольцы располагали только отрядом в 200 человек. Но 12 января, после призыва ревкома «Революционный Севастополь в опасности!» на станцию Сюрень (ныне Сирень) прибыл отряд из 800 человек с двумя орудиями и несколькими пулеметами. Пополнения продолжали прибывать, и вскоре численность севастопольцев, противостоящих эскадронцам, достигает трех тысяч. Теперь уже они перешли в наступление. Матросы пошли в неудержимый истребительный рейд: Севастополь – Симферополь – Карасубазар.

12–13 января был взят Бахчисарай. Красные войска неумолимо двигались к Симферополю. Крымский штаб рассчитывал на столицу губернии, как на крепкий тыл. Неожиданно для «курултаевцев» восстали рабочие, основательно вооруженные и готовые к борьбе. 12 января на улицах Симферополя начались перестрелки.

В ночь на 13 января рабочие завода А. А. Анатра, где был создан ВРК, и железнодорожники захватили почту, телеграф и приступили к разоружению эскадронцев.

Очевидец событий уроженец Симферополя офицер В. В. Альмендингер, находившийся в здании Штаба крымских войск (офицерское собрание Крымского конного полка) вспоминал: «В зале, где были все отделы штаба, офицеров почти не было. Во дворе казармы начали собираться добровольцы – гимназисты и реалисты; им раздавались винтовки и указывалось, как нужно с ними обращаться. Появились сестры милосердия. Крымцы (эскадронцы. – *Авт.*) были куда-то посланы. Медленно проходило время. Были слышны одиночные выстрелы в городе, но никаких положительных сведений о положении в городе не было (...). После 12 часов, однако, начала быть заметной растерянность в штабе. Первое, что бросилось нам в глаза, – это полковник Достовалов, до сего времени щеголявший формой Генштаба полковника с аксельбантами, появился в штатском костюме коричневого цвета и весьма простого типа. Зал стал пустеть»¹⁸².

Другой свидетель пишет: «...Паника, возникшая без всякого повода, сама явилась поводом для выступления большевиков, которые воспользовались общим смятением, завладели оружием, а затем, придя вооруженными в казарму татарского пехотного полка, его обезоружили.

В пять часов дня (13 января. – *Авт.*) большевики без выстрела завладели всем городом до здания Штаба крымских войск включительно, несмотря на грозно расставленные вокруг него пулеметы. Сам штаб с Джафер Сейдаметовым во главе скрылся неизвестно куда»¹⁸³.

Путь на север был перекрыт: в Джанкое стоял отряд матросов. Джафер Сейдамет бежал через Украину в Константинополь, бросив подопечных на произвол судьбы. Последние, кто не был пленен или расстрелян, разбрелись кто куда. Ч. Челебиева арестовали.

14 января в Симферополе расположились черноморские моряки. В тот же день на улицах города можно было ознакомиться с содержанием расклеенной листовки-воззвания ревкома: «Товарищи! Не должно быть места национальной вражде. Татарский рабочий, крестьянин и солдат – такие же наши родные братья, как русский, еврей, немец и проч. Мы боремся против господства помещиков и капиталистов всех национальностей в союзе с трудящимися всех

национальностей»¹⁸⁴. В этой операции, считает В. Е. Баранченко, «было убито не менее семисот офицеров»¹⁸⁵.

«С этого момента в Крыму воцарился большевизм в самой жестокой, разбойничье-кровавой форме, основанной на диком произволе местных властей, не поставленных хотя бы и большевистским, но все же – правительством, а выдвинутых толпой, как наиболее жестоких, безжалостных и наглых людей.

Во всех городах лилась кровь (были исключения; о них выше. – *Авт.*), свирепствовали банды матросов, шел повальный грабеж, словом, создавалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбления, когда обыватель стал объектом перманентного грабежа»¹⁸⁶.

За событиями в Крыму внимательно следила Центральная Рада. Как раз 13 января в Севастополь пришла телеграмма из Киева, в которой Рада предупреждала «организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями чужеземных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена»¹⁸⁷. Ответ (Совета и Центрофлота) был ожидаемым: ЧФ и гарнизон признают только «реальную власть Республики Советов в лице СНК как единственную выразительницу воли трудового народа... Находя Киевскую Радку опаснейшим органом контрреволюции и врагом всего трудового народа Украины и России, Севастопольский Совет и Центрофлот, с негодованием отвергая великодержавные стремления и притязания Киевской рады, заявляют, что все ее приказы и предписания не признают и признаваться [они] не будут»¹⁸⁸.

После победы над эскадронцами в Севастополе вновь прокатилась волна арестов офицеров и всех, подозреваемых в сотрудничестве с Крымским штабом. По заявлениям братьев Тургаевых «о реакционном поведении» были арестованы члены Севастопольского мусульманского комитета Ш. А. Девятов, Умеров и главный мулла Черноморского флота (с 1915 года) И. З. Замалетдинов, но следствие доказало их невиновность, и 22 марта дело было прекращено. На линкоре «Свободная Россия» на основании слухов арестованы мичман Баранов и Гоц, однако вскоре освобождены «из-за недостаточности материалов для обвинения в контрреволюционной деятельности». За неявку по тревоге в ночь с 10 на 11 января на эсминце «Лейтенант Шестаков» арестовано четыре офицера, мичманы

С. Анненский и Н. Крестовоздвиженский были прощены, так как добровольцами отправились с красными отрядами для участия в боевых действиях, а капитан 2-го ранга Г. Ф. Гильдебрант и лейтенант Э. И. Страутинг были уволены «с лишением содержания». 17 января следственная комиссия рассмотрела дело о трех офицерах 33-го пехотного запасного полка по обвинению их в «контрреволюционном мусульманском движении», но признала их невиновными¹⁸⁹.

Попытки разобраться и установить действительную вину внушали надежду на лучшее. Однако надежды на милосердие и законность, пусть даже революционную, оказались тщетными.

По некоторым данным, установление советской (точнее – ревкомовской) власти обошлось Крыму в тысячу человек¹⁹⁰.

29 января СНК утвердил декрет о создании Рабоче-крестьянского Красного флота. На следующий день он был доведен до ЧФ. Но на Черном море дело шло к тому, что корабли имели шанс остаться вовсе без моряков. Кто воевал за пределами Крыма, кто погиб, кто дезертировал. Покинул боевой пост даже командующий, контр-адмирал А. В. Немитц.

В связи с демобилизацией старого флота на службе в Черноморском флоте (с береговыми частями) осталось 2294 офицера и 25 028 матросов и солдат. Численность флота сократилась в два раза. Недокомплект в команде на линкоре «Свободная Россия» составлял 450 человек, в Минной бригаде и бригаде подводного плавания – по 250 человек. Крейсера и береговые части почти полностью были укомплектованы матросами 1917 года призыва, вкусившими всю

прелесть отсутствия военной дисциплины. Все это крайне затрудняло управление матросской массой. К тому же между большевиками и левыми эсерами в связи с подготовкой Брестского мира наметился серьезный разлад, что не могло не усугубить общей сумятицы.

На этом фоне активизировались анархистские группы, ставшие представлять реальную угрозу и для новой власти. В Сарабузе отряд Пискунова был готов взять «на мушку» местный ревком. Своими деяниями «прославился» отряд другого «морехода» – С. Г. Шмакова, кстати, начальника оперативной части Областного военно-революционного штаба (создан как ВРШ 12 января, областным стал несколькими днями позднее; иначе – Штаб по борьбе с контрреволюцией, возглавлялся Ю. П. Гавеном), исполкома Севастопольского совета, от которого немало претерпели и сами коммунисты, впоследствии с трудом его разоружившие¹⁹¹.

Из хроники событий. О симферопольской трагедии января писали меньше, чем о ялтинской и евпаторийской. Но публицист А. Набатов заявил тему. «...Три имени, которых симферопольцы не могут произносить без проклятий. Это знаменитые товарищи Жан Миллер, Чистяков и Акимочкин. Своего рода тройка удалая, которая мчала Тавриду вниз по Салгиру в страшную пропасть... Вообще нам русским везет на тройки (! – Авт.)»¹⁹². 14 января убили Франца Францевича Шнейдера. Предприниматель и благотворитель. Городской гласный, сотрудник общества «Детская помощь», председатель санитарного попечительства. Жертвователь революционному Красному Кресту. В 1905 году был первым председателем на первом митинге в Симферополе¹⁹³. «Потом, когда эти господа узнали обо всем, что покойный делал здесь для беднейшего населения, они явились к гробу просить у трупа убитого Шнейдера прощения». Погиб выданный неким татаринцем за 50 рублей бывший начальник Штаба крымских войск полковник В. В. Макухин, который скрывался под чужим именем и жил в Карасубазаре, «где ему, как талантливому оратору, удалось избавлять город от многих опасных эксцессов со стороны большевиков». У 70-летнего Масловского после 16 обысков нашли металлическую пепельницу в виде полушария. «Вишь, старый буржуй, у тебя значит бомбы!» Зверски убит на Севастопольском шоссе.

Арестован и расстрелян бывший издатель газеты «Таврический Голос» Н. Г. Зайцев¹⁹⁴.

«Сейчас же (после взятия Симферополя. – Авт.) началась расплата, начались расстрелы офицеров, которых убили свыше 100, и наиболее уважаемых граждан. Последних собрали в тюрьме и убили всех – свыше 60 человек на дворе тюрьмы»¹⁹⁵.

Отряд Шмакова в ночь на 24 февраля расстрелял в Симферополе 170 человек¹⁹⁶.

Общее число жертв в Симферополе доходило до 200 человек¹⁹⁷.

Очередным изобретением новой власти были т. н. контрибуции – определенные и немалые суммы, которые должны были выделить отдельные лица, группы «буржуев», целые города. Симферополь должен был выплатить 10 миллионов, Ялта – 20, Евпатория – 5. Матросы действовали подобно оккупантам на территории противника. В какой-то степени они таковыми и были. Стал практиковаться и институт заложников, обычно – родственников облагаемых.

Севастопольский РВК обложил крупную буржуазию города контрибуцией в десять миллионов. Сдать ее надлежало в кратчайший срок. Это вызвало ее (буржуазии) крайнее недовольство и сугубый фатализм. В случае невыполнения распоряжения, заявил Севастопольский совет, он за последствия не отвечает.

Кстати, о Севастопольском совете. Сам облик его сильно изменился с 1917 года. Верховодили там не то матросы, не то уголовники в матросской форме. Рабочих было мало. В условиях разрастающейся анархии 16 февраля фракции правых эсеров и социал-демократов-меньшевиков, не являвшиеся ранее за заседания Севастопольского совета, заявили о возвращении в его состав, но вряд ли они могли стабилизировать работу этого органа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.